

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

ДОКЛАДЫ ИДВ РАН 2017

Москва
ИДВ РАН
2018

УДК 908(510)
ББК 26.89(5Кит)
Д63

Главный редактор

директор ИДВ РАН доктор исторических наук С.Г. Лузянин

Редколлегия:

д.э.н. А.В. Островский, д.э.н. В.Я. Портяков, к.и.н. С.В. Уянаев,
д.полит.н. А.В. Виноградов, д.филос.н. А.Е. Лукьянов, д.и.н. Н.Л. Мамаева,
к.полит.н. А.З.Жебин, д.и.н. В.О. Кистанов, д.э.н. В.М. Мазырин,
к.э.н. И.В. Ушаков (отв. редактор), к.э.н. А.В. Афонасьева,
Е.В. Белилина (отв. секретарь)

Д63 Доклады ИДВ РАН — 2017 / сост. Е.А. Лапшина. — М.: ИДВ РАН,
2018. — 96 с.

ISBN 978-5-8381-0335-2

Институт Дальнего Востока РАН продолжает выпуск Докладов, которые были сделаны на заседаниях Ученого совета ИДВ РАН в 2017 году. Предыдущие выпуски вышли в 2011, 2012, 2013 и 2016 г.

Ключевые слова: Корейский полуостров, Азиатско-Тихоокеанский регион, военная политика Китая, кибербезопасность.

УДК 908(510)
ББК 26.89(5Кит)

ISBN 978-5-8381-0335-2

© Коллектив авторов, 2018
© ИДВ РАН, 2018

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Far Eastern Studies of RAS

PROCEEDINGS
OF IFES RAS

2017

Moscow
Institute of Far Eastern Studies of RAS
2018

PROCEEDINGS of IFES RAS 2017. Moscow, RAS IFES Press, 2018.

The Institute of Far Eastern Studies of RAS continues issuing of Proceedings that were made during meetings of the Academic Council of IFES RAS in 2017. Previous issue was published in 2016.

Key words: Korean Peninsula, Asia-Pacific Region, Chinese military police, cybersecurity.

Содержание

<i>Жебин А.З.</i> О ситуации на Корейском полуострове: 2017	7
<i>Кистанов В.О.</i> Российско-японские отношения в свете прихода к власти в США президента Дональда Трампа	19
<i>Кашин В.Б.</i> О потенциальном влиянии американской Третьей стратегии компенсации на развитие стратегических ядерных сил КНР	28
<i>Исаев А.С.</i> Проблемы обеспечения информационной безопасности и возможности российско-китайского сотрудничества в этой области	42
<i>Каменнов П.Б.</i> Военная политика Китая на современном этапе	76
Summary	92
Список авторов	95

Content

<i>A.Z. Zhebin</i>	
The situation on the Korean Peninsula: 2017	7
<i>V.O. Kistanov</i>	
The russia-japan relations in light of the rise of president Donald Trump to power in the united states	19
<i>V.S. Kashin</i>	
On potential influence of the American Third Offset Strategy to the evolution of the strategic nuclear forces of China	28
<i>A.S. Isaev</i>	
The problems of information security and the possibility of russian-chinese cooperation in this field	42
<i>P.B. Kamennov</i>	
Military policy of China at the present stage	76
Summary	92
Authors	95

А.З. Жебин

О СИТУАЦИИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ: 2017

Аннотация. Рассматривается ситуация на Корейском полуострове, создавшаяся в результате неожиданно быстрого прогресса ракетно-ядерной программы КНДР. Анализируется реакция США на создание северокорейского ядерного оружия и его испытания, односторонние торговые, финансовые и внешнеполитические санкции против КНД. Автор рассматривает также позицию Совета Безопасности ООН, Республики Корея, России, КНР и других стран по данному вопросу.

Ключевые слова: ядерная программа КНДР, США, СБ ООН, Ким Чен Ын, Азиатско-Тихоокеанский регион.

В 2017 г. ситуация на Корейском полуострове выдвинулась на авансцену мировой политики. Среди главных причин нынешнего обострения — неожиданно быстрый прогресс ракетно-ядерной программы КНДР, с одной стороны, а с другой — обостренная реакция администрации Д. Трампа на эти успехи. Для правящих кругов США невыносима сама мысль о том, что у КНДР, которой уже десятки лет предрекают скорый крах, появилась или вот-вот появится возможность нанесения ядерного удара по континентальной части США.

Позволить Пхеньяну обрести ее чреватو подрывом основ американской внешней политики, построенной на безнаказанном силовом вмешательстве в дела других государств и народов. К тому же

возникшая ситуация представляет собой прямой вызов неоднократным обещаниям президента США Д. Трампа не допустить появления у КНДР возможности держать на прицеле американские города.

Граничащая с истерикой реакция США на последние ракетные пуски КНДР свидетельствует, что американцев страшит не столько северокорейское ядерное оружие, сколько возможность доставить его в виде боеголовок до американской территории. Судя по высказываниям Д. Трампа и его помощников, именно стремление не допустить этого может стать причиной упреждающего удара по КНДР¹.

Совет Безопасности ООН отреагировал на новые запуски и шестое ядерное испытание КНДР принятием 5 августа и 11 сентября 2017 г. двух новых резолюций 2371 и 2375, которые ввели беспрецедентно жесткие за всю историю ООН санкции в отношении КНДР. После их имплементации они могут привести к сокращению ее экспорта примерно на 90 %².

Ситуацию осложнили личные нападки американского президента на северокорейского руководителя Ким Чен Ына. Впервые за все время с момента возникновения в начале 90-х годов минувшего столетия ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП) руководитель КНДР решил ответить на них также лично, опубликовав свое заявление в качестве Председателя Госсовета КНДР. В ответ на угрозы Д. Трампа обрушить на КНДР «огонь и ярость, которых мир еще не видел» и полностью «уничтожить» эту страну северокорейцы пообещали доказать возможности своего ракетного потенциала запусками ракет в район острова Гуам, где находятся крупнейшие американские базы на Тихом океане и новым термоядерным испытанием³.

В Вашингтоне пытаются представить дело так, что вот-вот и КНДР нападет на США или Южную Корею. Более того, Россию и КНР всячески пытаются убедить, что и для них КНДР представляет угрозу и поэтому они должны присоединиться к американской линии в отношении этой страны.

Однако большинство специалистов согласны с тем, что северокорейцы ни на кого не собираются нападать. А вот не допустить повторения на Корейском полуострове югославского, иракского, ливийского сценариев в КНДР, похоже, готовы любой ценой. В Пхень-

яне видят, что происходит в тех странах, которые стали объектом «гуманитарных интервенций» и экспорта западного варианта демократии — Ираке, Ливии, Афганистане. Там была разрушена государственность, воцарился хаос, происходят многочисленные теракты, ведущие к массовой гибели мирных граждан. И, конечно, северо-корейцы не хотят такой судьбы для своей страны и готовы защищаться всеми имеющимися у них средствами.

Вместе с тем было бы крайним упрощением считать, что дело в КНДР и только в КНДР. Ситуацию вокруг этой страны нельзя понять вне контекста геополитических амбиций США в АТР.

Конечно, нарочито разрекламированная отправка Соединенными Штатами атомных авианосцев и подводных лодок к берегам Корейского полуострова — это попытка угрозой применения силы заставить КНДР воздержаться от новых ракетных пусков и ядерных испытаний.

Однако предвыборные заявления Д. Трампа, его приказ нанести ракетный удар по Сирии во время встречи в апреле 2017 г. во Флориде с Председателем КНР Си Цзиньпином и, наконец, переговоры Д. Трампа с китайским лидером в ноябре 2017 г. в Пекине свидетельствуют о том, что главной целью Вашингтона является **Пекин**.

Американцы фактически шантажируют китайцев угрозами нанести удар по КНДР и таким образом развязать войну прямо на границах Китая, на которую ему придется как-то реагировать. В целом поведение Д. Трампа во время встречи с Си Цзиньпином во Флориде и его заявления в ходе поездки по странам Азии в ноябре 2017 г. подтверждают, что Вашингтон всячески пытается обеспечить «сдерживание» Китая и заставить его принять мировой и региональный порядок, возглавляемый Вашингтоном.

Достаточно сказать, что с этой целью США в ходе поездки Д. Трампа по странам Азии попытались навязать им новое, расширенное понятие региона, использовав формулировку «индо-тихоокеанский» вместо «азиатско-тихоокеанский». Практически все обозреватели расценили это как попытку США втянуть Индию в проектируемый Вашингтоном антикитайский альянс Япония—Австралия—Индия под руководство США.

Пока же американцы намерены максимально воспользоваться сформированной ими же самими ситуацией вокруг КНДР и попытаться «удушить» северокорейский режим руками КНР. Для этого китайцев вынуждают присоединиться к американскому варианту торговых, финансовых и иных санкций против этой страны. С этой целью против тех китайских банков и компаний, которые ведут дела с северокорейскими контрагентами, все шире применяются так называемые вторичные санкции. Такая же тактика избрана и в отношении России.

Вводя все новые односторонние санкции, США фактически провоцируют КНДР на новые ракетные и ядерные испытания и другие действия, которые могут быть преподнесены американскому и мировому общественному мнению как оправдание превентивного военного удара во КНДР. Вслед за США односторонние меры против КНДР вводят Южная Корея и Япония, санкции которой после очередного расширения таких мер 15 декабря 2017 г. коснулись 103 юридических и 108 физических лиц КНДР⁴.

Впрочем, от «двойной заморозки» пока отказывается и КНДР, которая сама выдвинула эту идею еще в январе 2015 г., когда ее успехи в реализации ракетно-ядерной программы были, по-видимому, не столь очевидны для самого Пхеньяна. Сейчас же КНДР, похоже, добивается, чтобы с ней разговаривали как с де-факто ядерной державой.

Вместе с тем наблюдатели отметили, что продолжавшееся с середины сентября 2017 г. 75 дней воздержание КНДР от ракетных пусков представляло собой явный сигнал о готовности к переговорам без предварительных условий. Однако ответом США стало возвращение КНДР в список стран-спонсоров международного терроризма из которого ее вычеркнул Дж. Буш-младший в 2008 г. и проведение новых маневров⁵.

Реакция КНДР последовала незамедлительно. 29 ноября была испытана новая баллистическая ракета «Хвасон-15», способная поразить любые цели на всей территории США.

В конце декабря 2017 г. госсекретарь США Р. Тиллерсон (бывший. — *Прим. ред.*) впервые заявил о готовности США к переговорам с КНДР без предварительных условий. Впрочем, его слова были

практически сразу же «подкорректированы» Белым домом, пояснившим, что в позиции США нет никаких перемен, т. е. северокорейцы должны сначала начать разоружаться и тогда с ними станут разговаривать. Южнокорейские СМИ в связи с этим широко цитируют американских экспертов, которые, ссылаясь на эти «смешанные сигналы», приходят к заключению, что у США отсутствует стратегия в отношении КНДР⁶.

Тем временем спираль напряженности на Корейском полуострове продолжала закручиваться. Крупнейшие за последние 10 лет учения ВВС США и РК сменили трехсторонние учения США—Япония—РК по борьбе с северокорейскими подлодками, за которыми последовали также трехсторонняя тренировка по отслеживанию полетов северокорейских ракет.

Между тем высказывания северокорейских представителей и тайные контакты КНДР с США подтверждают, что для Пхеньяна приоритетом по-прежнему является нахождение определенного компромисса с США в качестве единственного способа снять или уменьшить угрозу извне, хотя бы частично отменить санкции и получить доступ к иностранным инвестициям и рынкам.

Поэтому успех любых будущих переговоров по ядерной проблеме будет в основном зависеть от того, какой выбор будет сделан в США — ограничат ли они свои требования к КНДР нераспространческой тематикой или продолжат одновременно за кулисами продвигать политику смены режима в Пхеньяне. В последнем случае КНДР вряд ли откажется от своих средств «ядерного сдерживания».

Позиция **Республики Корея** (РК) заметно эволюционировала после прихода к власти в результате досрочных президентских выборов кандидата от оппозиции Мун Чжэ Ина. В ходе избирательной кампании он обещал проводить национально ориентированную внешнюю политику при сохранении военно-политического союза с США, нормализовать отношения с Северной Кореей, в том числе реализовать трехсторонние проекты сотрудничества Россия—КНДР—Республика Корея.

Однако последовавшие вскоре заявления о необходимости решения ЯПКП в качестве условия нормализации межкорейских от-

ношений и практические действия РК, фактически следовавшей курсу США, вызвали отрицательную реакцию КНДР, которая отказывалась обсуждать ЯПКП с Сеулом.

Руководство РК отклонило предложение РФ и КНР по дорожной карте урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова, в частности «двойное замораживание». Такая позиция связана не только с зависимостью от США, но и собственными надеждами Сеула на то, что санкции СБ ООН в сочетании с дополнительными ограничениями, введенными в одностороннем порядке США, Японией и РК, смогут принудить КНДР пойти на уступки.

В ходе визита Д. Трампа в Сеул в ноябре 2017 г. РК фактически присоединилась к политике США по полной изоляции КНДР, введя еще собственные дополнительные санкции против Пхеньяна. Вместе с тем как накануне, так и после визита Д. Трампа в Республику Корея, некоторые политики и СМИ в Сеуле неоднократно выражали обеспокоенность вероятностью нанесения Соединенными Штатами военного удара по КНДР без согласия и даже уведомления на этот счет Сеула. Кульминацией этой тревоги стало публичное заявление Мун Чжэ Ина о том, что никакая война в Корее не может быть начата без согласия РК. Эта позиция была подтверждена председателем правящей партии РК Чу Ми Э в ходе поездки в США 15 ноября 2017 г.

Волну обеспокоенности в РК вызвали высказывания представителя США в ООН Н. Хейли и Белого дома о том, что вопрос об участии американской команды в зимней Олимпиаде в Пхёнчхане в феврале 2018 г. еще не решен. В Сеуле заговорили о США как о «ненадежном союзнике» и заподозрили в намерении нанести удар по КНДР без согласия РК. Вашингтону пришлось срочно отыгрывать назад и заявить, что американские олимпийцы поедут в Пхёнчхан⁷.

Север и Юг Кореи, понимая, какой катастрофой для корейцев будет новая война, воспользовались предстоящими зимними Олимпийскими играми, чтобы возобновить контакты. И хотя формально главной целью начавших переговоров было обсуждение условий участия представителей КНДР в Олимпиаде, решение возобновить

работу линии прямой связи и диалог между военными Севера и Юга свидетельствует о том, что обе стороны не заинтересованы в дальнейшей эскалации напряженности.

В Сеуле в целом негативно восприняли действия МОК в отношении российских спортсменов, заявив, что хотели бы участия как можно большего числа стран и спортсменов в играх. С большим облегчением там было воспринято заявление Президента РФ о том, что власти не будут препятствовать участию российских спортсменов в Олимпиаде под нейтральным флагом.

Однако в целом же внешнеполитические заявления и практические шаги нового руководства РК, если они не адресованы исключительно российской аудитории или не носят двустороннего характера, полностью игнорируют позицию России по проблемам безопасности в регионе.

Первоочередной задачей **России** и других стран, заинтересованных в мирном урегулировании ЯПКП, в 2017 году стала реализация идеи «двойной заморозки» или любых других мер по недопущению дальнейшего нарастания конфронтации по поводу ЯПКП.

В случае затягивания или неудачи усилий по возобновлению переговорного процесса высока вероятность того, что ситуация будет развиваться по уже известному сценарию: отказ от диалога — ракетные пуски и ядерные испытания КНДР — новые санкции СБ ООН плюс дополнительные санкции США и их союзников. Логическим финалом такого сценария может стать широкомасштабный вооруженный конфликт с высокой степенью вероятности применения оружия массового уничтожения прямо у наших границ на Дальнем Востоке.

С учетом предстоящей Олимпиады, а также позиции России, Китая и самой Южной Кореи можно было предположить, что США воздержатся от педалирования военного сценария и будут ожидать желательного для них воздействия санкций на ситуацию в КНДР. Одновременно Вашингтон будет добиваться от Москвы и Пекина участия в организуемой им кампании по максимально возможной политической и экономической изоляции КНДР⁸. Конечная цель США — дестабилизировать КНДР и вызвать ее коллапс⁹.

Речь Д. Трампа в южнокорейском парламенте, материалы ряда научных общественных форумов, прошедших в США и РК, публикации некоторых американских аналитиков дают основания полагать, что основные усилия для достижения этой цели будут предприняты США и их союзниками на следующих направлениях:

- принуждение как можно большего количества стран, в первую очередь КНР и РФ, к свертыванию политических, экономических и других связей с КНДР с целью полной международной изоляции этой страны;
- придание глобального масштаба кампании осуждения КНДР за положение с правами человека в стране, вывод этой кампании на уровень одного из главных трендов мировой политики и важного критерия отнесения тех или иных государств в зависимости от их отношения к этому вопросу к «демократическим» или «поддерживающим диктатуру»;
- наращивание интенсивности пропагандистского воздействия на население КНДР с привлечением всех пригодных для этого информационных технологий и методов, обеспечивающих распространение в этой стране нужных Западу идей и информации.

Судя по всему, Корейский полуостров вышел на центральное место в реализации стратегии США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, основными целями которой являются продолжение военного доминирования США, сдерживание Китая и России и сохранение контроля над союзниками в регионе. Неурегулированность корейской проблемы используется Вашингтоном как предлог для продолжающейся уже почти 70 лет дислокации американских сил передового базирования вдоль границ России и КНР, а теперь еще и для развертывания там элементов американской глобальной ПРО.

Выход корейской тематики на одно из топовых мест в американо-китайском диалоге подтверждает, что полуостров стал одним из самых сложных узлов китайско-американских противоречий, и — не исключено — может стать полигоном для пробы сил между США и КНР.

Установить контроль над всем Корейским полуостровом, занимающим уникальное по значимости место на стыке границ Китая и

России, и за счет этого радикально изменить в свою пользу военно-стратегический баланс в СВА — такова главная цель политики США в регионе, которую они пытаются достичь под дымовой завесой обеспечения режимов нераспространения ОМУ.

В Пхеньяне выражают сожаление в связи с поддержкой Россией санкций СБ ООН против КНДР, однако пока воздерживаются от публичной критики позиции России¹⁰. Там также высказывают недоумение, почему практические действия российской стороны фактически расходятся с заявлениями официальных лиц РФ о том, что ресурс санкций против КНДР практически исчерпан. В условиях, когда США и Запад вводят против России все новые санкции, такой подход вызывает все больше вопросов.

Совершенно ясно, что одними декларациями о необходимости выполнения резолюций СБ ООН и прекращения Северной Кореей ракетных пусков и ядерных испытаний проблему не решить. И хотя компромиссный вариант решения сейчас (2017 г. — *Прим. ред.*) практически не просматривается, время для его достижения еще остается.

В условиях, когда российско-китайская идея «двойной заморозки» пока не воспринимается главными спорящими сторонами — США и КНДР, поиск развязок, которые могли бы притормозить сползание ситуации к катастрофе, становится все более неотложной задачей. Одним из вариантов могло бы стать раздельное урегулирование ракетной и ядерной проблем.

В частности, в обмен на публичный или молчаливый отказ Пхеньяна от дальнейших испытаний межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и боеголовок к ним Совет Безопасности ООН мог бы подтвердить право КНДР на запуски космических летательных аппаратов мирного назначения в соответствии с Договором о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Договор о космосе), к которому КНДР, кстати, присоединилась, как и к ряду других международных конвенций, регулирующих деятельность государств в этой сфере, а также снять некоторые санкции.

Отказ от новых испытаний МБР сразу бы снял остроту конфликта, ликвидировав угрозу удара по американским городам, которую Д. Трамп пообещал не допустить любой ценой. В свою очередь Пхеньян получил бы признание своего права на запуск спутников, от которого он никогда не откажется. Запрет на любые запуски с использованием баллистических технологий является весьма спорным с точки зрения международного права и был введен СБ ООН только против одной страны в мире — КНДР.

Разделение ракетной и ядерной тематики могло бы решить еще одну проблему, способную взорвать самое прекрасное соглашение. А именно, проблему верификации, столь чувствительную для КНДР. Любой ракетный пуск и его характер легко определить с помощью национальных средств контроля. Для этого инспекции на месте, по крайней мере, на первом этапе, не нужны. Специалистам совершенно ясно, преследует ли конкретный старт вывод на околоземную орбиту какого-либо груза (спутника) или ракета должна поразить условную цель на многотысячекилометровом удалении. Кстати, именно такой «размен» еще в 2012 г. предлагали некоторые американские специалисты. К сожалению, тогда их голоса не были услышаны.

Могут сказать, что такое решение — половинчатое и не учитывает интересы Японии и Южной Кореи. Но оно позволяет добиться главного — резко ослабить или даже снять угрозу большой войны. На его основе можно будет продвигаться дальше, а заодно и вернуть СБ ООН ведущую роль в разрешении одного из самых острых международных кризисов современного мира.

Что же касается других ракет КНДР, учитывая постоянное соперничество Пхеньяна и Сеула, ракетные программы Северной и Южной Кореи должны иметь примерно одинаковые ограничения, для чего целесообразно рассмотреть вопрос о присоединении двух стран к международному режиму контроля за ракетными технологиями (РКРТ).

Указанные выше договоренности по ракетной проблеме могли бы быть закреплены в новой резолюции СБ ООН, которая, среди прочего, отменяла бы те санкции, которые становились излишними в свете таких договоренностей, и устанавливала бы четкий график

отмены оставшихся ограничений с учетом подтверждения и соблюдения КНДР своих обязательств по РКРТ и другим международным договорам, членом которых она является, либо к которым должна присоединиться.

В целом для решения корейской проблемы нужна столь же структурно и поэтапно проработанная сделка, какая была заключена с Ираном. При всем различии между корейским и иранским случаями главный урок иранской сделки для Кореи заключается в том, что тот компромисс, который из-за практически противоположных позиций США и Ирана первоначально казался немислимым, в итоге при наличии политической воли, терпеливой дипломатии, а порой и «принуждения к миру» главных спорщиков остальными участниками переговоров, оказался достижимым.

Декабрь 2017 г.

Примечания

¹ McMaster speaks to Trump's tweets, North Korea and Middle East peace. FoxNews. 03.12.2017. URL: <http://www.foxnews.com/politics/2017/12/03/mcmaster-speaks-to-trumps-tweets-north-korea-and-middle-east-peace.html>

² Резолюция 2371 (2017), принятая Советом Безопасности на его 8019-м заседании 5 августа 2017 года. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/246/71/PDF/N1724671.pdf?OpenElement>; Резолюция 2375 (2017), принятая Советом Безопасности на его 8042-м заседании 11 сентября 2017 года. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/2863/70/PDF/N1728370.pdf?OpenElement>

³ President Trump's full United Nations speech. CNN. 19.09.2017. URL: <http://edition.cnn.com/videos/us/2017/09/19/trump-united-nations-full-speech.cnn>; Заявление Председателя Государственного совета КНДР // ЦТАК. 22.09.2017.

⁴ Япония расширила односторонние санкции против КНДР // Известия. 15.12.2017. URL: <https://iz.ru/683531/2017-12-15/iaponiia-rasshirila-odnostoronnie-sanktcii-protiv-kndr>

⁵ North Korea relisted as a state sponsor of terrorism: what happens now? NKnews. 21.11.2017. URL: https://www.nknews.org/2017/11/north-korea-relisted-as-a-state-sponsor-of-terrorism-what-happens-now/?c=1511263790283&__s=w5gidq8qdyw55jskszyu

⁶ Trump administration lacks strategy on N.Korea:experts // Yonhap news. 14.12.2017.

⁷ [Editorial] Haley's remarks about Pyeongchang Olympics casts doubt on US reliability as an ally. The Hankyoreh. 09.12.2017. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_editorial/822773.html; White House confirms that US athletes will participate in Pyeongchang Winter Olympics. The Hankyoreh. 09.12.2017. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_international/822774.html

⁸ Тиллерсон: США не стремятся к войне с КНДР и сохраняют надежду на дипломатическое решение // ТАСС. 15.12.2017. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4817606>

⁹ «Требуем срочных действий»: президент США призвал все страны разорвать экономические отношения с КНДР // ТАСС. 16.11.2017. URL: https://russian.rt.com/world/article/450004-trump-kndr-yadernye-ispytaniya?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

¹⁰ В Пхеньяне обиделись за поддержку Россией санкций против КНДР // Интерфакс. 01.12.2017. URL: <http://interfax.ru/world/589887>

В.О. Кистанов

РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЕТЕ ПРИХОДА К ВЛАСТИ В США ПРЕЗИДЕНТА ДОНАЛЬДА ТРАМПА

Аннотация. Рассматриваются ход, содержание и результаты официального визит в США 10—12 февраля 2017 г. японского премьер-министра Синдзо Абэ, реакция общественности, СМИ и политических партий на это событие. Автор подробно останавливается на переговорах России и Японии в рамках формата «2+2» с участием министров иностранных дел и обороны двух стран.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Курильские острова, японская система ПРО, японо-американский договор безопасности, Корейский полуостров.

Для японских политиков, деловых кругов, экспертного сообщества и лично премьер-министра Синдзо Абэ неожиданная победа Дональда Трампа на выборах президента США в ноябре прошлого года явилась настоящим потрясением, ибо к моменту выборов вся внешняя стратегия Токио была «заточена» под Хиллари Клинтон. Японцы были шокированы предъявленными Трампом в ходе президентской кампании обвинениями в адрес своей страны в том, что она наряду с Южной Кореей недоплачивает США за обеспечение ее безопасности, а наряду с Китаем ведет нечестную торговую практику и манипулирует курсом своей валюты. Это, по мнению американ-

ского бизнесмена, внезапно ставшего президентом, выливается в огромный дефицит во внешней торговле и приводит к сокращению рабочих мест в Соединенных Штатах. Однако самое большое разочарование японский премьер-министр испытал от решения Трампа выйти из создаваемого регионального соглашения о свободной торговле — Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Оно, по замыслам Абэ, должно было стать важным внешним «драйвером» его экономического курса, получившего название «Абэномика». Его амбициозная цель заключается в том, чтобы вывести страну из растянувшейся на два с половиной десятилетия полосы экономических неурядиц.

Напористый премьер-министр Японии единственным из лидеров зарубежных стран добился беспрецедентной встречи с избранным, но еще не вступившим в должность президентом американским деятелем, в Нью-Йорке по пути на саммит АТЭС в столице Перу Лиме в ноябре прошлого года. Рандеву Абэ в Башне Трампа с ее владельцем, его дочерью и зятем явилось «притиркой» двух харизматических политиков. На нем, по словам японского премьера, он смог установить с Трампом отношения личного доверия и снять свои тревоги, связанные с его предвыборными выпадами в адрес Японии.

Еще более плодотворным для Синдзо Абэ явился уже официальный визит в США 10—12 февраля, вскоре после инаугурации Трампа. В ходе трехдневного пребывания в Вашингтоне, а также в зимней резиденции Трампа в Палм-Бич во Флориде премьер-министр получил не только исключительно теплый прием, но и все то, на что он рассчитывал в тот момент в сфере отношений Японии с Соединенными Штатами.

Трамп дал заверения Абэ относительно сохранения приверженности США двустороннему альянсу безопасности. Он подтвердил, что японо-американский договор безопасности распространяется на острова Сенкаку (по-китайски, Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море, на которые претендует Пекин. А в отношении так называемой ракетно-ядерной угрозы со стороны Северной Кореи, которую Токио наряду с «китайской угрозой» официально возвел в ранг наиболее опасного вызова безопасности Японии, американский прези-

дент пообещал своему партнеру, что «Соединенные Штаты стоят за Японией, ее великим союзником, на 100 процентов».

При этом он ни словом не упомянул свою предвыборную риторику по части неадекватной платы Токио за свою безопасность и не коснулся японской торговой и валютной политики. Правда, надежды Абэ убедить Трампа в пересмотре своего решения о выходе из ТТП не сбылись. Токио был вынужден согласиться на торгово-экономические переговоры с Вашингтоном на двусторонней основе, что сулит японской стороне большие проблемы.

Успеху японского лидера способствовала тщательная подготовка к визиту. Абэ напрямую хвалил Трампа после его победы на выборах, называя олигарха от недвижимости «очень успешным бизнесменом с необыкновенными талантами». Перед поездкой Абэ проконсультировался у психологов относительно манеры общения с импульсивным главой Белого дома и потренировался в игре в гольф. Но, главное, руководитель японского правительства привез в США внушительный пакет инвестиций в экономику США стоимостью в 150 млрд долл. и создания там 700 тыс. новых рабочих мест в инфраструктуре и других областях. В итоге Трамп, находящийся в непростых отношениях с лидерами других ведущих государств мира, оценил свою встречу с японским премьером как «очень, очень хорошую химию».

Визит Абэ был позитивно воспринят в Японии, где две трети респондентов, опрошенных газетой Yomiuri, сказали, что они одобряют поездку. Поддержка кабинета Абэ выросла на 5 %, до 66 % — почти до такого же уровня, как в момент его прихода к власти в декабре 2012 года. В стране не было никакой публичной оппозиции приглашению Трампу посетить Японию по контрасту, например, с Великобританией. Тем не менее, 64 % японцев сказали, что они рассматривают Трампа как фактор негативного влияния на глобальный мир и стабильность.

Как отмечают СМИ Японии, японский и американский лидеры имеют гораздо больше общего, чем кажется на первый взгляд. Япония принимает крайне незначительное число беженцев, и Абэ в отличие от других зарубежных политиков не критиковал Трампа за ог-

раничение въезда иностранцев в США. Премьер-министр Японии в прошлом также не раз обрушивался на прессу и стремится напрямую общаться с публикой, хотя и не зашел так далеко, как Трамп, в осуждении ведущих СМИ как «врагов народа».

Вместе с тем японский премьер-министр подвергся в своей стране серьезной критике за то, что он «прогнулся» перед Трампом. Комментаторы обращают внимание на то, что из всех мировых лидеров Абэ оказался единственным, кто сфокусировался на выстраивании личных связей с Трампом, не питая интереса к его позиции, игнорирующей либерально-демократические нормы и ценности. Лидеры оппозиционных партий обрушились на премьер-министра Синдзо Абэ за его поведение в США, обвиняя его в том, что он беззастенчиво пресмыкался (kowtowed) перед Дональдом Трампом на глазах у всего мира.

Так, по словам Кадзуо Сии, лидера Коммунистической партии Японии, в ответ на лозунг Трампа «Америка превыше всего» Абэ занял позицию «японо-американский альянс превыше всего». А политический тяжеловес, глава Либеральной партии Итиро Одзава раскритиковал правительственные планы массивированного инвестирования в проекты общественных работ в США, считая, что тем самым Абэ пытается наладить отношения с Трампом с помощью денег.

Оправдываясь в парламенте, японский премьер сказал, что у него «не было выбора», кроме как выковать тесные связи с президентом США Дональдом Трампом вопреки сильной критике в Японии и во всем мире одиозного американского лидера. Он объяснил это тем, что у Японии нет другой опции, принимая во внимание сложное окружение страны в сфере безопасности. Премьер-министр также заявил о своем намерении играть роль моста между президентом США и остальными мировыми лидерами, которые выразили тревогу относительно политики Белого дома во главе с Трампом.

По сообщениям японских СМИ, в ходе игры в гольф и обедов в Палм-Бич Абэ объяснил Трампу позицию Японии по ряду сложных дипломатических проблем, включая отношения с Китаем и Россией. Выступая по японскому телевидению, Абэ сказал, что Трамп «по-

нял, что мы ведем диалог» с российским президентом Владимиром Путиным о спорных южных Курильских островах, которые контролируются Россией, но на которые претендует Япония. Премьер-министр также раскрыл, что он убеждал Трампа в важности «культивирования дружеских отношений с господином Путиным», чтобы выбраться из трясины в Сирии и на Украине. Кроме того, два лидера обсуждали санкции в отношении России.

Как отмечают японские аналитики, избрание Дональда Трампа президентом США первоначально было позитивным фактором для политики Японии в отношении России, поскольку тогда он разделял желание Абэ иметь дело с правительством Путина. В ходе февральского саммита с Абэ Трамп также одобрил восстановление переговоров России и Японии в рамках формата «2+2» с участием министров иностранных дел и обороны двух стран. Указанный формат был «подвешен» Токио после «аннексии» Россией Крыма.

На переговорах в формате «2+2», которые прошли в минувшем марте, хотелось бы остановиться более подробно. На них стороны обсудили ситуацию в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском и других регионах мира, а также обменялись предложениями о совместной хозяйственной деятельности на южных Курилах. Давая оценки прошедшим переговорам, японские СМИ указывают на то, что их возобновление спустя три с лишним года означает улучшение ситуации в двусторонних связях между Россией и Японией, которые в течение долгого времени осложнены территориальным спором. А сами переговоры, по их мнению, должны содействовать ускорению прогресса в указанном споре.

Кроме того, японские эксперты подчеркивают тот факт, что формат «2+2» был возрожден по инициативе России во время Путина и Абэ в 2016 г. По мнению указанных экспертов, в этом проявилось желание Москвы улучшить связи с Токио с целью сбалансировать ее усиливающееся соскальзывание в статус изгоя в мировом сообществе после «аннексии» Россией Крыма в 2014 г. Они полагают, что для России диалог по безопасности односторонне выгоден, поскольку может служить доказательством отсутствия единства стран Запада в проведении их жесткого курса против России.

Японская пресса также акцентирует внимание на том, что встреча в рамках указанного формата сделала Японию первой страной из Группы семи (G-7), которая стала осуществлять подобные переговоры с Россией после того, как Россия «реквизировала» Крымский полуостров. Однако, чтобы ни у кого не возникало критики по поводу действий Токио, официальный представитель МИД Японии, как бы оправдываясь, сказал на пресс-конференции после встречи «2+2», что страна «ценит верховенство закона и не потерпит никаких попыток Москвы силой изменить статус-кво».

На мартовских переговорах (2017 г.) российские и японские министры обменялись мнениями по ситуации на Корейском полуострове. Однако японскими аналитиками было высказано неудовольствие по поводу высказывания Сергея Лаврова о том, что санкции должны рассматриваться не как инструмент наказания КНДР, а как стимул для того, чтобы вернуть ситуацию в политико-переговорное русло. Токио, который считает ракетно-ядерную угрозу со стороны Северной Кореи самым большим вызовом безопасности Японии, со своей стороны рассматривает указанные санкции лишь как инструмент давления на северокорейский режим с целью принудить его в одностороннем порядке отказаться от совершенствования своих ракетно-ядерных технологий. Вместе с тем японские эксперты полагают, что для сдерживания Пхеньяна необходим обмен информацией и предложениями о совместных действиях между Москвой и Токио.

В ходе переговоров министр обороны Японии Томоми Инада выразила протест против размещения Россией на южных Курилах противокорабельных ракет и планов дислокации на Курильских островах дивизии к концу года. Российский министр обороны Сергей Шойгу разъяснил в ответ, что новая дивизия будет нацелена не против кого-то, а на защиту территории Российской Федерации, ее границ как с моря, так и с воздуха.

Со своей стороны российские представители выразили серьезную озабоченность планами развертывания в Азиатско-Тихоокеанском регионе элементов глобальной противоракетной обороны (ПРО) США. Министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил о серьезных рисках, которыми оно чревато. По его мнению, это

«непропорциональный ответ» на возможные угрозы со стороны Северной Кореи. А глава российского Министерства обороны Сергей Шойгу высказал обеспокоенность по поводу элементов американской ПРО, дислоцированных на японской территории. По его словам, это может нарушить стратегический баланс в АТР.

По иронии судьбы, после мартовских переговоров в формате «2+2» между Россией и Японией в апреле в таком же формате намерены провести переговоры Япония и США. По информации из японских правительственных источников, на них Токио планирует отдать приоритет совершенствованию собственной системы ПРО в сотрудничестве с Соединенными Штатами.

В ответ на высказанные российскими министрами озабоченности глава японского оборонного ведомства Томоми Инада заявила, что расположенная в Японии система ПРО предназначена исключительно для защиты страны от ракетно-ядерной угрозы со стороны Северной Кореи и не направлена против России. Однако в конце марта заместитель начальника главного оперативного управления Генштаба ВС РФ генерал-лейтенант Виктор Познихир на конференции по разоружению в Женеве прямо заявил: «Под предлогом противодействия северокорейской и иранской ракетным угрозам Соединенными Штатами развертывается стратегическая система, предназначенная для уничтожения российских и китайских баллистических ракет, нарушающая баланс сил сдерживания».

По сообщениям японских СМИ, в ходе российско-японского диалога в рамках «2+2» по инициативе японской стороны была затронута также китайская тематика. Собственно, формат «2+2» и создавался по инициативе Токио в 2013 г., прежде всего, с целью обсуждения возможности совместного с Москвой сдерживания Китая, который, по мнению японских политологов, представляет военную угрозу не только Японии, но и России. Тогда японский тезис о необходимости совместного противостояния «китайской угрозе» не получил поддержки со стороны российских переговорщиков.

На переговорах в формате «2+2» в 2017 г. лейтмотивом высказываний японской стороны в адрес Китая была обеспокоенность по поводу дальнейшего сближения между Москвой и Пекином, прежде

всего в области военного сотрудничества. Так, Томоми Инада выразила обеспокоенность в связи с передачей Россией Китаю новейшей системы ПРО «С-400» и другого современного оружия. Японская сторона также высказала тревогу по поводу растущей военно-морской экспансии Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Однако, по сообщениям японских СМИ, российская сторона ушла от обсуждения этой темы.

Впрочем, было бы неправильным считать, что по вопросам безопасности встреча четырех министров двух стран закончилась безрезультатным обменом мнениями, и каждая сторона осталась «при своих». По заявлению Сергея Шойгу, Москва и Токио установили контакты по линии Генштабов и проведут в 2017 г. 30 двусторонних мероприятий. В частности запланированы совместные учения военных кораблей обеих стран по противодействию пиратству, терроризму, по спасению на море и др. Это, безусловно, будет в определенной степени содействовать углублению взаимопонимания между военными обеих стран и улучшению атмосферы в двусторонних отношениях России и Японии в целом. Вот во что вылились российско-японские переговоры в формате «2+2», на которые Трамп дал Абэ «добро» в феврале.

Однако, по словам некоторых японских экспертов, первоначальные пророссийские инстинкты Трампа являются скорее проклятием, чем благословением для стратегии Абэ. Они полагают, что на фоне обвинений России в кибератаках на США и нарастания скандала из-за связей помощников президента с российскими официальными лицами «сватовство Абэ к Путину выглядит в возрастающей степени нелепо». Исходя из зависимости Японии от Соединенных Штатов в сфере безопасности, для страны неразумно считаться такой близкой к сопернику США. Эксперты опасаются, что новая (и потенциально худшая) фаза скандала может разразиться как раз в тот момент, когда Абэ будет посещать Москву в конце апреля или Владивосток в сентябре. Дальнейшее ужесточение политики Трампа в отношении России, вызванное внутривнутриполитическими соображениями, может серьезно затруднить курс Абэ на сближение с Путиным.

Указанные опасения японцев были подтверждены ракетной атакой США на военный аэродром в Сирии 6 апреля 2017 г. Премьер-министр Абэ одним из первых глав зарубежных государств поддержал эту акцию. По мнению японских аналитиков, решение Абэ одобрить удар крылатыми ракетами может вызвать напряжение в отношениях с Москвой, поскольку Россия в течение долгого времени поддерживала режим, возглавляемый президентом Башаром Асадом. Это еще более затрудняет для Токио получение уступок от России в территориальном споре по поводу четырех островов рядом с Хоккайдо. В Токио не исключают того, что если администрация Трампа сочтет российско-японское сближение чрезмерным, то она может в них вмешаться, как это было при президенте Бараке Обаме.

Тем временем уже после ракетного удара по Сирии глава правительства России Дмитрий Медведев подписал распоряжение, согласно которому в состав морского порта Невельск на Сахалине включены терминалы на островах Итуруп, Кунашир и Шикотан, входящих в южные Курилы. В Токио этот шаг вполне может рассматриваться как ужесточение позиции Москвы в территориальном споре с Японией в преддверии визита Абэ в Москву 27—28 апреля 2017 г. Изначальная цель визита — договориться о юридической основе совместной хозяйственной деятельности на южных Курилах, которая рассматривается в Японии как важный шаг на пути к конечной цели — возвращению всех четырех спорных островов.

Апрель 2017 г.

В.Б. Кашин

О ПОТЕНЦИАЛЬНОМ ВЛИЯНИИ АМЕРИКАНСКОЙ ТРЕТЬЕЙ СТРАТЕГИИ КОМПЕНСАЦИИ НА РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЯДЕРНЫХ СИЛ КНР

Аннотация. Третья стратегия компенсации (СК-3) — важнейшая научно-техническая инициатива Министерства обороны США, призванная обеспечить долгосрочное и подавляющее военное превосходство США над вероятными противниками, в первую очередь Китаем. Среди конкретных технологий СК-3 называются искусственный интеллект, когнитивные технологии, технологии 3D-печати, гиперзвуковое оружие, робототехника, оружие с использованием направленной энергии. Автор подробно рассматривает меры, принимаемые КНР в ответ на реализацию СК-3.

Ключевые слова: китайская военная политика, стратегические ядерные силы КНР, межконтинентальные баллистические ракеты, китайские системы ПРО.

Третья стратегия компенсации (СК-3) — важнейшая научно-техническая инициатива Министерства обороны США, призванная обеспечить долгосрочное и подавляющее военно-техническое превосходство Соединенных Штатов над вероятными противниками за счет прорывных достижений в развитии ряда ключевых технологий, имеющих, как предполагается, определяющее значение для определения облика будущих войн. О начале осуществления Третьей стратегии компенсации США объявили в 2014 г., стратегия стала

центральным элементом так называемой Оборонной инновационной инициативы (Defense Innovation Initiative), запущенной министром обороны Чаком Хейгелом.

СК-3, согласно заявлениям ее авторов, развивается на основе позитивного опыта Второй стратегии компенсации (СК-2), реализованной в 1970-е годы и призванной обеспечить военное превосходство над СССР. Особенностью СК-2, инициированной вскоре после завершения войны во Вьетнаме, была ставка на приоритетное развитие средств разведки и управления, высокоточного и малозаметного оружия, космических систем. Таким образом США рассчитывали восстановить военное превосходство над СССР, утраченное после достижения Советским Союзом к началу 1970-х годов ядерного паритета с американцами. СК-2 оказала мощное и долгосрочное влияние на гражданскую экономику: наработанные в ходе ее реализации технологии привели к появлению системы спутниковой навигации GPS, способствовали рождению Интернета и современной сотовой связи.

В военной области СК-2, которая, по изначальным американским планам, должна была позволить сдержать советское наступление в Европе без применения ядерного оружия, никогда не была опробована против равного противника. Показателем военной успешности СК-2 американскими авторами считается быстрый и почти бескровный разгром войск иракского режима Саддама Хуссейна в ходе операции «Буря в Пустыне» (август 1990 — февраль 1991 г.).

Под Первой стратегией компенсации американскими авторами в настоящее время понимается реализовывавшаяся американским президентом Дуайтом Эйзенхауэром в 1950-е годы концепция «нового облика» вооруженных сил США, нацеленная на компенсацию превосходства СССР и его союзников в обычных вооружениях за счет насыщения войск ядерным оружием поля боя.

Особенностью СК-2 и СК-3 является попытка добиться превосходства над противником в условиях ограниченных возможностей бюджета США. В период осуществления СК-2 военный бюджет Соединенных Штатов сталкивался с сокращениями после завершения кампании во Вьетнаме. Что касается СК-3, то данная концепция

инициирована на фоне неуверенного восстановления американской и мировой экономики после кризиса 2007—2008 гг. и резкого роста объемов американского государственного долга, что не позволяет Вашингтону идти на существенное увеличение военных расходов.

Авторы концепции и американские ученые, анализирующие ее, практически не скрывают, что в отличие от предыдущих двух «стратегий компенсации», направленных на достижение превосходства над Советским Союзом и отталкивавшихся от анализа сильных и слабых сторон советского военного, промышленного и научно-технологического потенциала, СК-3 целиком ориентирована на сдерживание Китая. Другие оппоненты и потенциальные военные противники США, например, Россия и Иран, упоминаются в связи с реализацией стратегии лишь косвенным образом. Тезис о преимущественно «антикитайском» характере СК-3 поддерживается и большинством российских исследователей данной стратегии.

Среди конкретных технологий, на которые предполагается сделать ставку, называются, как правило, искусственный интеллект, когнитивные технологии, технологии 3D-печати, гиперзвуковое оружие, робототехника, оружие с использованием направленной энергии. Предполагается, что реализация стратегии выведет на новый уровень возможности США в таких областях, как противоракетная оборона, высокоточное оружие большой дальности, включая средства нанесения быстрого глобального удара, ведение боевых действий в информационном пространстве, обеспечат гарантированное подавляющее превосходство США в ведении боевых действий под водой и в космосе.

Китай, выступая в качестве главного «адресата» СК-3, в политической и информационной сфере воздерживается от развернутой реакции на нее. СК-3 не затрагивалась до настоящего времени в заявлениях политических руководителей КНР. Стратегии посвящен ряд статей и комментариев представителей официальной китайской военной науки, в частности, научных сотрудников Академии военных наук НОАК и ведущих военных вузов. В комментариях, как правило, выражается обеспокоенность в связи с реализацией СК-3, указывается на необходимость уделять тщательное внимание новым во-

енно-техническим инициативам американцев. Вместе с тем, по мнению китайских ученых, достигнутые Китаем успехи в развитии военно-технического потенциала не позволят американцам изменить баланс сил в свою пользу.

Обращается также внимание на идущие в США дискуссии по различным важным аспектам стратегии, сложность отношений между различными ветвями власти США, общую обстановку политической неопределенности в отношении будущего военной политики США. Большинство китайских публикаций по вопросам СК-3 носят описательный характер, содержат минимальное число аналитических выводов и обобщений. Общая тональность китайских оценок — необходимость «тщательно следить» за новациями в рамках СК-3 и уверенность, что стратегия не позволит США реализовать их стратегические цели, а именно добиться подавляющего превосходства над Китаем.

Возможно, первой важной политической мерой, принятой китайцами в ответ на реализацию СК-3, стало учреждение решением Политбюро ЦК КПК нового важного партийного органа — Центральной Комиссии по интегрированному гражданскому и военному развитию. Новый орган будет подчиняться Политбюро ЦК КПК и Постоянному комитету Политбюро ЦК КПК, его задача — определение приоритетных научно-технических проектов, обеспечение их финансирования и координация усилий по их реализации. О высоком статусе новой структуры говорит тот факт, что ее возглавил лично генеральный секретарь ЦК КПК, Председатель КНР, председатель Центрального военного совета КНР Си Цзиньпин. На параллели с СК-3 указывает ставка на интеграцию развития военных и гражданских технологий и вытекающая из специфики организации комиссии и ее задач ориентация на ограниченное число особо важных, прорывных технологических мегапроектов.

СК-3 представляет из себя список приоритетов научно-технического развития, многие из которых существовали в США и ранее. Эти проекты уже приводили к определенной реакции со стороны КНР. Учитывая серьезное отношение китайского военно-политического руководства к данной американской стратегии, мы можем предполагать, что сила китайского реагирования будет нарастать.

Одним из основных направлений китайской военной политики, которые могут быть затронуты в ходе реагирования Китая на СК-3, может оказаться развитие стратегических ядерных сил КНР.

Уже наметившиеся американские успехи в развитии систем противоракетной обороны поставили под вопрос стратегию минимального ядерного сдерживания, проводившуюся КНР с момента обретения статуса ядерной державы в 1964 г. Данная стратегия заключалась в отказе от гонки ядерных вооружений с другими державами; в отказе от применения ядерного оружия первыми; поддержании минимальных гарантированных возможностей для нанесения ответного ядерного удара. Предполагалось, что данная стратегия позволит уберечь Китай от ядерных угроз и ядерного шантажа и вместе с тем избежать затрат для китайской экономики.

Китай приобрел технические возможности для нанесения ядерного удара по континентальной части Соединенных Штатов только в 1981 г., когда были поставлены на боевое дежурство первые две межконтинентальные баллистические ракеты DF-5 в шахтных пусковых установках. На протяжении 1980-х годов ядерное сдерживание США явно не было приоритетом для Китая, и в 1992 г. количество развернутых МБР DF-5 (усовершенствованной модификации DF-5A) составляло, согласно американским оценкам, лишь 4 единицы. На протяжении 1990-х годов происходил существенный рост числа развернутых DF-5, количество которых к концу 90-х достигло предположительно примерно 20 и с тех пор, по публикуемым американским оценкам, остается неизменным.

Таким образом, в 1990-е годы Китай увеличил свои возможности по нанесению ядерного удара по территории США примерно в 5 раз, пусть и с очень низкой базы. Очевидно необходимость ядерного сдерживания США была осмыслена заново после того, как Соединенные Штаты лишились противовеса в лице СССР. Дальнейшее наращивание численности группировки DF-5/DF-5A, как представляется, было остановлено ввиду несовершенства ракеты, делавшего ее массовое производство нецелесообразным с военной точки зрения.

По тем же причинам, добившись еще в 1980-е годы прогресса в создании разделяющихся головных частей индивидуального наведе-

ния (РГЧ ИН) для баллистических ракет, китайцы долгое время отказывались от развертывания подобных систем.

Дальнейший рост китайских возможностей по сдерживанию Соединенных Штатов был связан с группой проектов, инициированных в середине — конце 1980-х годов. В 1985 г. стартовали проекты разработки мобильной межконтинентальной баллистической ракеты DF-31 и баллистической ракеты подводных лодок JL-2, имеющих схожую конструкцию. В 1986 г. стартовала программа разработки твердотопливной межконтинентальной баллистической ракеты DF-41, более крупной и тяжелой, чем DF-31 и способной нести РГЧ ИН с 6—10 боевыми блоками, правда, разработка этой системы, по некоторым оценкам, на длительное время прерывалась.

Существенные подвижки в развитии китайского ядерного потенциала наметились, однако, лишь во второй половине 2000-х годов, а после избрания президентом США Барака Обамы и особенно выдвижения его администрацией в 2012 г. курса на «поворот в Азию» события ускорились.

В 2006 г. Китай начал развертывание первых ракет DF-31 (комплексы первой, установочной партии были показаны на параде 1999 г., но, скорее всего, не передавались в боевые части), а в 2007 г. — их усовершенствованной модификации DF-31A. В 2012 г. китайцы, по американским оценкам, смогли преодолеть основные технические сложности, связанные с разработкой ракет JL-2, что позволило начать их серийное производство и развертывание. Первый выход китайской атомной ракетной подводной лодки проекта 09-IV на боевую службу с данными ракетами, как предполагается, состоялся в 2015 г.

В следующем, 2016 году баллистические ракеты DF-41 поступили на вооружение трех бригад китайских Ракетных войск в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, провинциях Хэнань и Хэйлунцзян. Информация об этом появилась в китайских СМИ в январе 2017 г. (очевидно, имела место спланированная «утечка», приуроченная к инаугурации нового президента США Дональда Трампа 20 января того же года). Вскоре после этого в США были опубликованы данные об испытаниях очередной модификации ракеты DF-5, из-

вестной как DF-5С, оснащенной 10 боевыми блоками. Китайские официальные СМИ косвенно подтвердили эту информацию. Параллельно в последние годы продолжали появляться сообщения о продолжающихся испытаниях ракеты DF-31В (дальнейшего развития семейства легких твердотопливных межконтинентальных баллистических ракет DF-31), оснащенной РГЧ ИН с тремя боевыми блоками, летные испытания которой начались 25 сентября 2014 г.

Таким образом, с момента распада СССР берет свое начало планомерный, неуклонный процесс наращивания китайского потенциала по ядерному сдерживанию США. Темпы этого процесса ограничивались, по всей видимости, исключительно технологическими и экономическими факторами. По мере достижения китайцами прогресса в соответствующих технологиях и роста финансовых возможностей китайского государства, процесс китайского ядерного перевооружения ускорялся.

Китай до настоящего времени не связан никакими обязательствами в сфере контроля и ограничений ядерных вооружений и обладает полной свободой в создании и производстве их новых типов. Единственным китайским заявлением о размерах ядерного арсенала можно считать декларацию МИД КНР, сделанную в апреле 2004 г., согласно которой Китай обладает «самым маленьким ядерным арсеналом среди всех ядерных держав». На тот момент это означало, что Китай имел меньше ядерных боеголовок, чем Великобритания, у которой их имелось несколько менее 200. Оценки середины 2000-х годов позволяли предположить, что китайские заявления правдивы. В частности, Пентагон предполагал, что у китайцев есть лишь 105 развернутых баллистических ракет, предназначенных для доставки ядерного оружия. Общее количество боеголовок на 2006 г. оценивалось в 145, включая 40 ядерных авиабомб.

Следует отметить, что надежно поражать континентальную часть территории США тогда могли лишь 20 ракет DF-5. Китай, возможно, имел уже ограниченное число ракет DF-31, но их дальность, составлявшая менее 8000 км, не позволяла наносить удары по крупным американским городам (в зоне досягаемости оставались Аляска и Гавайи).

В последующем констатировался рост ядерного арсенала, происходивший вполне ощутимыми темпами, хотя и с низкого стартового уровня. Известные американские специалисты по китайским ядерным силам Ханс Кристенсен и Роберт Норрис отмечали в 2016 году, что Китай имеет примерно 260 ядерных боеголовок, развернутых на 150 баллистических ракетах наземного базирования, 48 баллистических ракетах подводных лодок, а также ядерных авиабомб. Общее количество китайских межконтинентальных баллистических ракет оценивалось в 50—75, из которых 40—50, как предполагалось, были способны доставить 60—70 ядерных боеголовок на континентальную территорию США.

В любом случае, с 2006 по 2016 г. Китай увеличил количество ядерных боеголовок, которые могли быть доставлены к целям на континентальной части США, как минимум, втрое. Разумеется, их число по-прежнему более чем на порядок уступает количеству развернутых американских боеголовок на МБР и баллистических ракетах подводных лодок. Интересно, что в американских работах по тематике ядерного оружия КНР прослеживается вместе с тем тенденция к недооценке темпов роста китайского ядерного потенциала. Например, в упомянутой работе Кристенсена и Норриса указывалось, что количество боеголовок китайских МБР, способных достигнуть территории США, возможно, превысит 100 спустя десятилетие.

При этом уже по состоянию на середину 2016 г. имелись основания ожидать, что количество боеголовок, которые китайские ядерные силы будут в состоянии доставить на территорию континентальных США, заметно превысит 100 уже в ближайшие годы, без учета перспектив реализации новых крупных программ, просто в силу завершения уже реализуемых проектов. Между тем в конце 2016 г. Китай приступил к развертыванию ракет DF-41, а в начале 2017 г. из американских источников стало известно о проведении КНР испытания новой модификации ракеты DF-5, оснащенной РГЧ ИН с 10 боевыми блоками и получившей название DF-5С. Последнее обстоятельство имеет принципиальное значение.

Продолжающиеся значительные инвестиции в совершенствование ракет DF-5 означают, что DF-41 предлагаются не в качестве за-

мены, а в качестве дополнения к ним. Отметим также продолжающиеся испытания ракеты DF-31В, варианта DF-31, предположительно оснащенного РГЧ ИН. Таким образом, Китай предполагает в обозримом будущем иметь в составе своих Ракетных войск три базовых типа межконтинентальных баллистических ракет: тяжелые жидкостные DF-5В/С, легкие твердотопливные DF-31А/В, а также занимающие среднее положение между ними ракеты DF-41. Последние будут занимать среднее положение между этими двумя типами и существовать в вариантах грунтового, железнодорожного комплексов, а также комплекса шахтного базирования. Если верны существующие утечки о развертывании уже на раннем этапе трех бригад этих комплексов, мы можем ожидать появления в ближайшие годы у Китая 36 дополнительных ракет с РГЧ ИН, достигающих территории США.

Модернизация имеющегося парка ракет DF-5 до стандарта DF-5С возможна в десятилетней перспективе и вполне может дать китайцам 200 боеголовок, достигающих территории США. Доведение имеющихся 4 бригад с ракетами DF-31/31А до полного штата с их последующим перевооружением на ракеты DF-31В, несущих по три боевых блока, даст китайцам еще 144 боеголовки, достигающих территории США. Мы не знаем, сколько боевых блоков китайцы намерены разместить на DF-41, но знаем, что это существенно более крупная и тяжелая ракета, чем DF-31В. В случае размещения на них хотя бы 4 боевых блоков, три бригады таких ракет могут дать еще 144 боеголовки, достигающие территории США. Таким образом, в течение следующего десятилетия, просто доведя до логического завершения текущие проекты, только Ракетные войска НОАК могут иметь близко к 500 боеголовкам, способным поразить цели на всей или большей части континентальных США.

Важным фактором развития китайских ядерных сил можно считать также развернувшееся в последние годы строительство Китаем системы предупреждения о ракетном нападении СПРН. На данный момент из опубликованных в китайском сегменте Интернета фото достоверно известно о ведущемся строительстве ряда радиолокационных станций СПРН в нескольких районах страны (включая про-

винцию Хэйлунцзян). Предположительно, в сентябре 2015 г. на орбиту был выведен первый китайский спутник, оснащенный инфракрасным сенсором для регистрации пусков баллистических ракет. Вывод на орбиту данного аппарата, как предполагается, является первым шагом к созданию космического эшелона СПРН.

Таким образом, можно говорить о планомерной реализации китайцами серии программ, направленных на резкое повышение потенциала ядерного сдерживания США, начиная со второй половины 1980-х годов. Учитывая известные сроки начала работ над известными проектами китайских межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок, логично предположить, что в середине 1980-х годов китайское руководство приняло решение о постепенном сокращении отставания КНР от обеих сверхдержав в сфере стратегических ядерных вооружений. Данное решение, оставаясь секретным, вероятно, продолжает, тем не менее, неуклонно и планомерно реализовываться до сих пор. Его вероятным автором является лично Дэн Сяопин, занимавший в тот период пост председателя Центрального военного совета КНР.

Предположительно, подобно другим масштабным техническим программам, стартовавшим в ранний период политики «реформ и развития» (например, план развития высоких технологий 863; пилотируемая космическая программа и др.), ядерный проект был спланирован на крайне долгий срок и тщательно увязан с ростом китайской экономики и, соответственно, бюджетных возможностей государства.

Другим важным ограничителем для темпов реализации проекта являлись, вероятно, сроки разработки новых систем вооружений, позволявших сократить техническое отставание от ядерных сверхдержав. Без этого вложения в количественное наращивание ядерных вооружений не имели смысла. Ввиду крайней технической сложности и экономической затратности соответствующих проектов, их первые результаты стали проявляться лишь во второй половине 2000-х годов (развертывание мобильных комплексов DF-31/31A).

Принципиальные решения о необходимости резкого наращивания числа ядерных боеголовок, способных поразить цели на терри-

тории США, были приняты китайским руководством еще до завершения холодной войны, в разгар «медового месяца» американо-китайских отношений. Таким образом, сам по себе рост китайского арсенала не зависит от какой-либо новой американской политической концепции или технологической инициативы, включая «Третью стратегию компенсации». Однако «Третья стратегия компенсации» способна оказать существенное влияние на конкретные приоритеты при расширении китайских ядерных сил.

Ряд известных приоритетов СК-3 в случае реализации могут напрямую повлиять на устойчивость стратегических ядерных сил КНР. Прежде всего, прогресс США в сфере создания гиперзвуковых летательных аппаратов приведет к повышению возможностей США по нанесению быстрого высокоточного удара по китайским стратегическим ядерным вооружениям. Гипотетически возможный прорыв в технологиях создания оружия на направленной энергии может привести к возобновлению проектов создания систем ПРО воздушного базирования с использованием лазеров большой мощности.

Прогресс в области искусственного интеллекта, когнитивных технологий, обработки больших масс данных может привести к резкому повышению разведывательных возможностей США и, как следствие, уязвимости китайских подвижных комплексов межконтинентальных баллистических ракет. Известный американский приоритет в сфере разработок новых видов подводного оружия, в частности, боевых необитаемых подводных аппаратов, может поставить под угрозу попытку китайцев построить эффективные морские стратегические ядерные силы.

Китайская реакция на американские технологические инициативы, как представляется, распадается на несколько составляющих. Одной из составляющих является реализация проектов, зеркально отражающих американские, представляющие угрозу для КНР.

Одновременно ведутся активные испытания нескольких типов систем ПРО, в том числе способных осуществлять перехват межконтинентальных баллистических ракет на среднем участке траектории. По мере роста напряженности в отношениях с США Китай

склонен заниматься строительством стратегической ПРО все более демонстративным образом. Летом 2016 г. испытания стратегической системы ПРО с перехватом баллистических целей на среднем участке траектории были впервые показаны по китайскому телевидению¹.

Китай вслед за США еще в 2000-е годы запустил программу форсированного развития беспилотных подводных систем. Проанализированы американские концепции, сформированы собственные подходы к стратегии применения подводных роботов различных типов для выполнения боевых и вспомогательных задач². В настоящее время над созданием различных типов необитаемых подводных аппаратов в Китае работают не менее 15 конструкторских и исследовательских коллективов³. Вероятно, опасения прорыва в технологиях ведения подводной войны, способных поставить под угрозу китайский атомный ракетный флот, являются одним из движущих факторов для Китая в строительстве военной инфраструктуры в Южно-Китайском море.

Китай ведет активную работу по созданию собственных систем лазерного оружия — такая работа ведется в концерне CASIC и в Китайской академии инженерной физики.

Наряду с подобным зеркальным воспроизведением американских программ, как представляется, китайцы все активнее будут демонстрировать и более традиционные варианты реагирования на растущую угрозу. Одним из проявлений этой тенденции может считаться демонстративная активизация китайцами строительства крупных туннельных комплексов глубокого залегания для размещения там стратегических ракетных комплексов. Подобные работы в последнее время демонстрируются китайским телевидением, в том числе специализированным «военным» каналом CCTV7.

Можно предположить, что произойдет попытка ускорить процесс развертывания новых комплексов МБР, не дожидаясь полного завершения всего цикла испытаний. Видимо, именно в таком ключе можно рассматривать сообщения о формировании новых бригад межконтинентальных баллистических ракет DF-41 на фоне продолжающихся летных испытаний данных систем.

Можно ожидать ускоренных инвестиций в наращивание производственной базы для производства стратегических систем вооружений. Это расположенный в пров. Сычуань завод 903 Китайской академии инженерной физики, занимающийся финальной сборкой ядерных боеприпасов, завод 211 ракетно-космической корпорации CASC в Пекине (производство межконтинентальных баллистических ракет) и завод 307 корпорации CASIC в Нанкине (производство баллистических ракет средней дальности), а также их важнейшие предприятия-смежники.

Наконец, возможно изменение подходов КНР к формированию структуры китайской ядерной триады. Можно ожидать попыток дополнительно диверсифицировать носители ядерного оружия, в частности за счет развертывания крылатых ракет большой дальности в ядерном снаряжении и ускорения реализуемой в настоящее время программы создания китайского стратегического бомбардировщика.

Для России реализация данных тенденций создаст дополнительные риски в ходе возобновления диалога с США в сфере контроля над вооружениями. Любые гипотетические соглашения с Вашингтоном могут быть относительно быстро обесценены и потерять всякий смысл в случае, если КНР приступит к ускоренному наращиванию своего потенциала. Рывок в развитии китайских ядерных сил способен создать уникальную ситуацию, когда к двум традиционным ядерным сверхдержавам добавится третья крупная ядерная держава, военные возможности которой в сфере стратегических ядерных вооружений окажутся сравнимыми. Это в свою очередь потребует переосмысления многих подходов к обеспечению стратегической стабильности, возникших в период, когда ядерный потенциал всех прочих государств, помимо США и СССР, мог считаться незначительным. Ускоренное развитие китайских ядерных сил, создание системы предупреждения о ракетном нападении, переход китайских ядерных сил к несению постоянного боевого дежурства с боеголовками, установленными на средствах доставки, будут происходить на фоне накопленных противоречий в американо-китайских отношениях. Это повышает вероятность опасных инцидентов, связанных с

человеческим фактором и сбоями в недостаточно отработанной технике. Данные факторы требуют выработки новых мер доверия и повышения эффективности каналов экстренной связи между военным руководством России, КНР и США.

Февраль 2017 г.

Примечания

¹ URL: <https://tiananmenstremendousachievements.wordpress.com/2016/07/29/24486/>

² Guo Fengshui, Yuan Siming, Liu Qiang. Development of Unmanned Underwater Vehicle — Their Missions and Capabilities. Chinese Journal of Ship Research. Vol. 2. No 5. October 2007. URL: <http://max.book118.com/html/2015/0227/12741335.shtm>

³ Emerging Trends in China development of the Unmanned Systems. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR900/RR990/RAND_RR990.pdf

А.С. Исаев

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЭТОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Проблема информационной безопасности — один из важнейших факторов, оказывающих влияние на международные отношения. Эта сфера охватывает финансовую, банковскую, энергетическую, технологическую и другие отрасли современной экономики. В докладе рассматривается положение Азии и Китая в современном киберпространстве. Проводится сравнение политики России и Китая в информационной сфере, проанализированы законодательные и нормативные документы, определяющие стратегию по кибербезопасности. Рассматриваются возможности российско-китайского сотрудничества в этой области.

Ключевые слова: Азиатский континент, цифровые технологии, кибербезопасность, кибершпионаж, российско-китайское сотрудничество в цифровой области.

Проблема обеспечения информационной безопасности сегодня одна из самых обсуждаемых. С начала нового столетия она стала одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на международные отношения. Особую актуальность ей придает серьезная экономическая составляющая. Отрасль информационно-коммуника-

ционных технологий (ИКТ) сегодня стала наиболее динамично развивающейся и вбирающей многомиллиардные затраты на разработку, внедрение, функционирование и энергетическое обеспечение новых технологий. К тому же эта сфера охватывает финансовую, банковскую, энергетическую, технологическую и иные отрасли современной экономики.

Тема крайне актуальна для современной Азии и, прежде всего, для ее северо-восточной и восточной части, к которой относятся Россия и Китай.

Положение Азии и Китая в современном киберпространстве

Азия — самый крупный по территории и по численности населения континент мира. Здесь находится пять из семи мировых центров высоких технологий. В двадцатку ведущих стран по количеству пользователей Интернета входит 12 азиатских государств (табл. 1). Число пользователей в этих странах превысило 1 млрд 910 тыс. человек, это почти 70 % от общего числа пользователей Интернета, входящих в лидирующую двадцатку (2 млрд 738 млн пользователей) (табл. 2). Безусловным лидером здесь является Китай — 739 млн, это больше чем все население Европы.

С учетом остального мира это соотношение почти не меняется. Азия лидирует и по количеству персональных компьютеров, и по количеству смартфонов. 12 стран Азии из лидирующей двадцатки являются лидерами и по числу участников социальной сети Фейсбук — это 521 млн пользователей (на март 2017 года), что составляет более половины от 1 млрд 51 млн общего числа двадцатки и треть пользователей Фейсбука во всем мире (1 млрд 679 млн) (табл. 1). А если учесть национальные социальные сети, то эта цифра увеличится в разы.

Китай в этой сфере остается по количественным показателям абсолютным лидером. С появлением мобильных систем связи значительно возросло число пользователей мессенджеров, расшири-

Таблица 1. 20 ведущих стран мира по количеству интернет-пользователей (по состоянию на 30.06.2017)

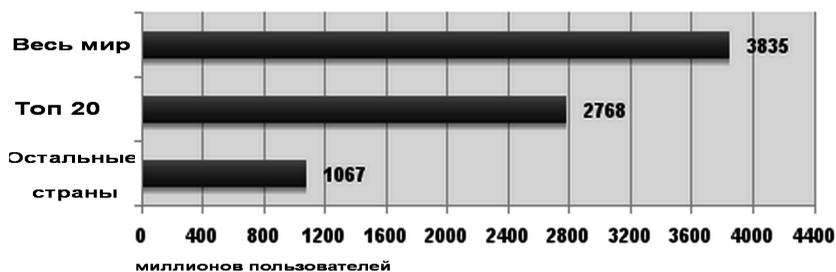
№ п/п	Страна или регион	Население, человек	Количество пользователей	Доступ в Интернет, %	Рост (*) 2000—2017 гг., %	Количество участников Facebook
1	Китай	1,388,232,693	738,539,792	53,2	3,182,4	1,800,000
2	Индия	1,342,512,706	462,124,989	34,4	9,142,5	241,000,000
3	США	326,474,013	286,942,362	87,9	200,9	240,000,000
4	Бразилия	211,243,220	139,111,185	65,9	2,682,2	139,000,000
5	Индонезия	263,510,146	132,700,000	50,4	6,535,0	126,000,000
6	Япония	126,045,211	118,453,595	94,0	151,6	26,000,000
7	Россия	143,375,006	109,552,842	76,4	3,434,0	12,000,000
8	Нигерия	191,835,936	91,598,757	47,7	45,699,4	16,000,000
9	Мексика	130,222,815	85,000,000	65,3	3,033,8	85,000,000
10	Бангладеш	164,827,718	73,347,000	44,5	73,247,0	21,000,000
11	Германия	80,636,124	72,290,285	89,6	201,2	31,000,000
12	Вьетнам	95,414,640	64,000,000	67,1	31,900,0	64,000,000
13	Великобритания	65,511,098	62,091,419	94,8	303,2	44,000,000
14	Филиппины	103,796,832	57,607,242	55,5	2,780,4	69,000,000
15	Таиланд	68,297,547	57,000,000	83,5	2,378,3	57,000,000
16	Иран	80,945,718	56,700,000	70,0	22,580,0	17,200,000
17	Франция	64,938,716	56,367,330	86,8	563,1	33,000,000
18	Турция	80,417,526	56,000,000	69,6	2,700,0	56,000,000
19	Италия	59,797,978	51,836,798	86,7	292,7	30,000,000
20	Южная Корея	50,704,971	47,013,649	92,7	146,9	17,000,000

Окончание табл. 1

№ п/п	Страна или регион	Население, человек	Количество пользователей	Доступ в Интернет, %	Рост (*) 2000—2017 гг., %	Количество участников Facebook
	Страны, вошедшие в ТОП-20	5,038,740,614	2,818,277,245	55,9	944,1	1,326,000,000
	Остальные страны мира	2,480,288,356	1,067,290,374	43,0	1,072,2	653,703,530
	Общее количество интернет-пользователей в мире	7,519,028,970	3,885,567,619	51,7	976,4	1,979,703,530

Примечание: (*) Графа «Рост» отражает процентный прирост числа интернет-пользователей за период с 2000 и по конец июня 2017 года. В таблице отражены также данные социальной сети Facebook, Всемирного телекоммуникационного союза, официальных данных стран по проблемам развития телекоммуникационных систем. Данные опубликованы на англоязычном Портале «Статистические данные сети Интернет».

Таблица 2. Сравнение показателей 20 ведущих стран мира с общим числом пользователей во всем мире (по состоянию на 30.07.2017)

Примечание: таким образом, более 50 процентов интернет-пользователей сегодня приходится на страны Азии, и это число продолжает расти.

лись возможности социальных сетей, которые используются для обменов мультимедийной информацией, распространения текстовой, фото и видеoinформации, для пользования различными видами финансовых, торговых и иных услуг. Один пример: по данным на

сентябрь 2017 г., количество активных пользователей социальной сети WeChat (Weixin) приблизилось к отметке в 1 млрд, и к декабрю 2017 года, по информации разработчика мессенджера интернет-корпорации «Tencent», этот порог будет преодолен. Кроме того, более 600 млн граждан КНР ежедневно используют WeChatpay для оплаты товаров и услуг.

Восемь стран, вошедших в двадцатку лидеров в области использования Интернета, находятся в Восточной и Юго-Восточной Азии. Здесь активно развивается электронная торговля, «интернет вещей», позволяющий создать совокупность управляемых и контролируемых пользователем электронных устройств.

Практически во всех странах Азии, вошедших в «Топ 20» развиваются информационные технологии военного характера. В Китае, Индии, Южной Корее, Вьетнаме, Японии, в России при военных ведомствах созданы соответствующие структуры, деятельность которых определяется сугубо оборонными и военными задачами, созданы Центры кибербезопасности. В странах региона накоплены значительные запасы боевых вирусов и разработаны методы ведения сетевых войн, применение которых направлено на нанесение серьезного ущерба отраслевым, телекоммуникационным, финансово-банковским сетям посредством компьютерного воздействия и вторжения в национальные сегменты информационного или кибернетического пространства.

Таким образом, сегодняшняя Азия — это не только лидер по количеству людей, вовлеченных в формирование и пользование киберпространством, но и по темпам формирования информационного общества. Одновременно это — страны, которые быстрыми темпами развивают оборонную сферу в информационно-кибернетическом секторе, активно выступая за контроль над управлением кибернетическим пространством как в национальной доменной зоне, так и в других сегментах современных технологий и интернет-пространства.

Быстрое развитие ИКТ во всем мире и, прежде всего, в странах Азии и АТР показывает, что влияние цифровых технологий на все сферы человеческой жизни будет возрастать. А это означает, что ре-

шение задач по обеспечению безопасности в информационной сфере в сфере классического и мобильного интернета становится процессом, который будет сопровождать развитие и внедрение цифровых технологий.

Когда мы говорим о кибербезопасности, то имеем в виду несколько аспектов проблемы: информационную, экономическую, энергетическую, производственную, финансовую, коммуникационную, психологическую, социально-политическую и, наконец, военную безопасность. Сегодня в мире не существует четко обрисованных границ безопасного информационного пространства, нет общепринятых в международном сообществе, четко выработанных определений, что такое информационная безопасность, кибернетическая безопасность, как они соотносятся с применяемым в ряде стран, в том числе в Китае, понятием интернет-безопасности. К тому же следует принимать во внимание, что киберпространство изначально развивается как транснациональная информационная среда. В этих условиях крайне важно, чтобы понимание процессов и факторов, в них участвующих, было общим для всех. Попытки упорядочения понятийного аппарата делаются в том числе в рамках российско-китайских отношений и ШОС.

Для выработки практических действий приходится учитывать многоуровневость проблемы, большое количество национальных киберсегментов, разнообразие особенностей и отсутствие согласованных правил поведения в Интернете. Когда эти правила исходят только от одной страны либо замкнутой группы стран возникают риски и угрозы, которые наносят огромный ущерб национальному информационному пространству. Угрозы возникают не только от хакерских атак, криминальных структур, действующих в киберпространстве, но и от соперничающих на международной арене государств, разработчиков и производителей технологических новинок и программного обеспечения (ПО), поскольку именно они в большинстве случаев диктуют нормы поведения.

Возникла ситуация, при которой киберпространство рассматривается как зона ведения информационных, финансовых, экономических и иных войн. Выработка взаимоприемлемых подходов и пра-

вил организации к деятельности в интернете требует учета как всего многообразия и многофункциональности киберпространства в целом, так и особенностей национальных сегментов интернета.

Следует отметить, что консолидация действий в киберпространстве, выработка кодекса поведения зависят от специфики развития современной международной обстановки. Обособленные нормы поведения в киберпространстве вырабатывают европейские страны НАТО и Соединенные Штаты, привлекая к этому процессу Южную Корею и Японию. Вопросы сотрудничества в обеспечении безопасности в киберпространстве находятся в поле зрения членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Дальнейшее развитие ИКТ усиливают зависимость экономик от телекоммуникационных систем информационных сетей, что влечет за собой дополнительные интеллектуальные, финансовые и энергетические затраты.

Политика России и Китая в информационной сфере: опыт сравнительного анализа

В России обеспечение информационной безопасности рассматривается как обязательная часть системы обеспечения национальной безопасности страны. В этом нет ничего особенного: подавляющее большинство стран именно так трактуют вопросы кибернетической безопасности. Более того, Россия в своей Доктрине информационной безопасности, утвержденной 5 декабря 2016 г., особо отметила необходимость соблюдения международного права и международных документов.

Российский сектор Интернета сталкивается с большим числом киберугроз — как внутренних, так и внешних. По инициативе России проблематика международной информационной безопасности рассматривалась в рамках ОБСЕ, ШОС, ОДКБ, Международного союза электросвязи (МСЭ), в ходе Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (ВВУИО). Работа ведется «на полях» таких форумов, как «G-20», АТЭС. Эти действия

стали практическим воплощением политики страны, изложенной в «Стратегии развития информационного общества Российской Федерации» и в «Концепции внешней политики Российской Федерации». В соответствии с этими документами российская дипломатия решает задачу: обеспечить эффективное вхождение страны в глобальное информационное общество. Внутри страны контроль над соответствием информационных продуктов в Интернете конституционным и законодательным положениям осуществляет Роскомнадзор, он же, основываясь на правовых нормах и конституционных положениях, осуществляет ограничение доступа к информационным ресурсам, нарушившим закон.

Политика в области информационной безопасности в РФ определяется также и другими базовыми документами:

- Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646);
- «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года» (Утверждены Президентом РФ 24 июля 2013 г. № Пр-1753);
- Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» 149-ФЗ (Принято Государственной думой 8 июля 2006 года).

Упомянем также:

- Федеральный закон № 139-ФЗ от 28 июля 2012 года — дополнения «о защите детей», приведшие к созданию «Единого реестра запрещенных сайтов»;
- Федеральный закон № 187-ФЗ от 2 июля 2013 года, подразумевающий возможность блокировки сайтов, содержащих нелицензионный контент, по требованию правообладателя;
- Федеральный закон № 398-ФЗ от 28 декабря 2013 года — дополнения, связанные с блокировкой экстремистских сайтов;
- Федеральный закон № 97-ФЗ от 5 мая 2014 года — «закон о блогерах», обязывающий владельцев популярных блогов и сайтов регистрироваться в Роскомнадзоре.

Согласно «Основам государственной политики в области международной информационной безопасности на период до 2020 года», целью России является содействие установлению международного правового режима, направленного на создание условий для формирования системы международной информационной безопасности. В нем также определяются основные направления и цели этой политики, создание международного механизма обеспечения информационной безопасности, недопущения вмешательства во внутренние дела, проведение мероприятий против суверенитета, территориальной целостности и независимости государств. Примерно в том же направлении движется Китай, считающий необходимым разработать и применить соответствующий кодекс поведения в Интернете, одинаковый для всех участников развития киберпространства.

Этот документ в определенной степени близок по своему содержанию к китайской «Международной стратегии сотрудничества в киберпространстве», которая появилась на три года позже российского документа и о которой речь пойдет ниже.

Рассмотрим чуть более подробно, каким образом выстраивает систему национальной безопасности Китай, в том числе правовую основу для формирования системы информационной безопасности.

Напомним, Интернет в Китае впервые был запущен 20 сентября 1987 г. В Пекинском институте физики и высоких энергий профессор Цянь Тяньбай в рамках проекта CANET (Chinese Academic Network) отправил первое электронное письмо из Китая. Публичный доступ к Интернету был открыт лишь ко второй половине 1990-х годов.

Одновременно Пекин стимулировал развитие сетевых ресурсов в стране, включая ведущие СМИ, поскольку в 1990-е годы в мире началось развитие мультимедийных СМИ, с использованием текстовой, фото- и видеоинформации, уже тогда возникло понятие «новые медиа». Развитие цифровых технологий и информационно-коммуникационных технологий, их внедрение фактически во все сферы государственной, экономической, военной, производственной и общественной жизни обеспечили развитым странам мира рывок в научно-технологической сфере.

Впервые с серьезными проблемами в информационном пространстве Китай столкнулся 26 апреля 1999 г., когда активизировался вирус «Чернобыль», написанный тайваньским студентом. Вирус повредил более полумиллиона компьютеров по всему миру, уничтожив данные на жестких дисках и разрушив содержимое микросхем, отвечающих за работу системного программного обеспечения. Более трети поврежденных компьютеров были на территории континентального Китая. Вторая значимая атака на компьютерные сети КНР произошла в начале нового столетия, когда вредоносному нападению подверглись сотни правительственных сайтов КНР, большая часть которых была заблокирована более чем на сутки.

Показательно, что это произошло после того, как в 1991 г. в Китае был принят самый первый сетевой регламент — «Общегосударственный регламент организации труда по информационным компьютерным системам и противодействию интернет-вирусам» (опубликован 11 января 1991 года Министерством труда КНР). После него последовали «Правила безопасности компьютерно-информационных систем КНР» (1994), «Временные положения администрирования компьютерно-информационных систем и международной сети Интернет» (1996), «Методы управления и обеспечения безопасности компьютерно-информационных систем и международной сети Интернет» (1997), «Временные административные меры в области регистрации доменных имен Китайского сетевого информационного центра (CNNIC)» (1997)¹.

В начале 2000-х годов Китай продолжал совершенствовать правовую основу защиты информационной безопасности. В КНР составляются многочисленные документы, законы, постановления центрального и местных правительств, ВСНП и местных СНП, регламенты. Среди них: Решение ПК ВСНП по обеспечению безопасности сети Интернет (2000), Административные меры контроля за предоставлением Интернет-услуг (2000), Правила защиты компьютерных программ (2001), Решение ПК ВСНП об усилении обеспечения охраны сетевых данных (2012), Решение ПК ВСНП об усилении обеспечения охраны сетевых данных (2012) и многие другие.

К марту 2016 г. в КНР были приняты 41 закон, 46 административно-правовых актов Государственного совета КНР, 37 разъяснений по вопросам судебной практики, 274 регламента аппарата правительства, 133 местных нормативных акта, 138 регламентов местного значения, а всего 669 документов, которые регулируют поведение в информационном поле страны.

Тем не менее, по мнению китайских специалистов в области информационной безопасности, Китай стоит лишь в начале пути по созданию правового фундамента в области регулирования управления информационной безопасностью страны. Так, например, генеральный секретарь Ассоциации информационной безопасности Китая Ли Юйсяо полагает, что Китай сегодня пока еще сделал только первые шаги на пути к формированию целостной системы защиты от преступлений, совершаемых в сетевой среде, путем обеспечения сетевой безопасности, защиты данных, защиты прав потребителей и интеллектуальной собственности, а также с помощью управления интернет-финансами, площадками интернет-инвестиций, введением электронных средств верификации и прочими методами, которые идут в ногу с развитием интернет-технологий.

За последние 17 лет Китай привел систему управления киберсферой в действующую на разных уровнях структуру, обладающую мощным кадровым составом и техническими возможностями. В 2001—2013 гг. Государственный совет КНР провел реформу аппарата, заново сформировав Министерство промышленности и информатизации. Таким образом, все рабочие обязанности, связанные с информатизацией, сосредоточены в Министерстве. Также была сформирована Государственная канцелярия интернет-информации и сети Интернет, отвечающая за распространение информации в сети в области политического курса и построения правовой системы. Среди неправительственных организаций: 25 мая 2001 года было официально создано Общество интернета КНР, состоящее из более чем семидесяти представителей интернет-отрасли Китая, среди которых были поставщики интернет-услуг, производители оборудования, системные интеграторы, научно-исследовательские компании, образовательные учреждения.

Вместе с тем с высокими темпами развития Интернета проявилась проблема нехватки инструментов и методов, работающих на долгосрочную перспективу. В феврале 2014 г. Центральный комитет создал руководящую группу по информатизации и сетевой безопасности, которая сразу же приняла решительные меры по наведению порядка в сети.

Канцелярия интернет-информации — главный контрольный и администрирующий национальное киберпространство в Китае орган. Канцелярия напрямую подчиняется Руководящей группе ЦК КПК во главе с Си Цзиньпином и двумя заместителями (премьер Госсовета КНР Ли Кэцян, заведомо пропаганды ЦК КПК, член политбюро Лю Юншань, в ее состав входят 19 членов. Руководитель Канцелярии — Сюй Линь², он же секретарь руководящей группы. В состав ведомства входят 9 департаментов, отвечающих за анализ состояния информационного пространства, координацию работы по обеспечению информбезопасности, международное сотрудничество, контроль над мобильным интернетом, распространением онлайн новостей и так далее. В структуру входят также три Центра, которые занимаются реагированием на киберугрозы, исследовательской работой, сбором и обработкой заявлений населения о распространении в сети зловредной информации.

С момента создания руководящей группы по информатизации и сетевой безопасности началась активная и решительная борьба с негативными явлениями в Интернете — был нанесен удар по распространению эротики и порнографии в сети, сетевому шантажу. Особое внимание уделяется борьбе с хакерами и экономическими преступлениями в сети. Экономика Китая ежегодно теряет примерно 100 млрд юаней, или 15 млрд долларов, из-за действий китайских хакеров. По неофициальным оценкам, их в стране не менее 400 тысяч.

При публичном обсуждении состояния и перспектив развития информационного общества в Китае, как правило, обращается внимание только на один аспект проблемы: жесткий контроль над Интернетом и интернет-цензура.

К настоящему времени в Китае создана основательная правовая база регулирования, управления и функционирования сетевых ре-

сурсов, включая вопросы обеспечения безопасности в информационном пространстве. Среди базовых документов, регламентирующих задачи по обеспечению информационной безопасности, выделим следующие.

Закон о государственной безопасности безопасности (Утвержден 1 июля 2015 года на 15-м заседании ПК ВСНП). В нем впервые появляется понятие «государственного сетевого суверенитета». Впоследствии вошло в Закон о кибербезопасности и в Доктрину «Международная стратегия сотрудничества в киберпространстве». Определены параметры и основные направления обеспечения информационной безопасности. В ст. 25 подчеркивается: Государство создает систему интернет-безопасности и информационной безопасности, развивает защитные возможности в сфере обеспечения безопасности, усиливает инновационные исследования и разработки информационных технологий, реализует ключевые информационные проекты, регулирует ключевую инфраструктуру и важные области информационных систем, а также обеспечивает безопасность данных. Усиливает сетевое администрирование, пресекает кибератаки, чьи инициаторы наказываются в судебном порядке, предотвращает нарушение интернет-границ и хищение конфиденциальной информации, незаконное распространение вредоносной информации и прочие преступные акты. Обеспечивает защиту государственного сетевого суверенитета, безопасности и интересов. Закон «защищает внутренний суверенитет от внешнего вмешательства».

Закон о кибербезопасности КНР (принят в октябре 2016 года, вступил в силу 1 июня 2017 года).

Национальная стратегия по безопасности в киберпространстве (National Cyberspace Security Strategy) разработана в Госканцелярии интернет-информации. Согласно документу, Китай будет добиваться достижения «мира, безопасности, открытости, сотрудничества и порядка в киберпространстве. Одновременно правительство будет принимать меры, чтобы гарантировать суверенитет и национальную безопасность страны в киберпространстве, защищать критическую информационную инфраструктуру страны, бороться с проявлениями кибертерроризма и преступлениями в Интернете. Отмечается,

что Китай будет продвигать реформу системы управления глобальным Интернетом; поддерживать ведущую роль ООН в содействии разработке международных норм для киберпространства.

«Международная стратегия сотрудничества в киберпространстве» (International Strategy of Cooperation on Cyberspace), опубликована 1 марта 2017 года.

Поправки в Уголовный кодекс. 29 августа 2015 года на 16-м заседании 12-го созыва Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) приняло поправки к Уголовному кодексу. Содержание данной поправки четко определяет обязанности и обязательства интернет-провайдеров в управлении сетевой безопасностью, также ужесточила степень наказания за киберпреступления, в особенности за создание и распространение ложной информации, и нарушение правил обращения с личными данными. Всего в УК было внесено 6 поправок предусматривавших наказания за неправомерное использование информационных сетей, создание и распространение ложной информации и прочие преступные деяния, посягательства на личную информацию, и предусматривались соответствующие наказания в виде штрафов и лишения свободы от 6 месяцев до 7 лет.

«Законодательные и нормативные акты по усилению законодательства в сети Интернет, совершенствованию сетевых информационных служб, обеспечению интернет-безопасности, управлению интернет-обществом и приведению сети Интернет к нормам законодательного порядка».

Отметим, что все они приняты за период, прошедший после XVIII съезда КПК в ноябре 2012 года во исполнение решений, предложенных генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином.

Обратимся к базовому **Закону о кибербезопасности**. В нем 7 глав, более 70 статей, в которых регулируется деятельность сетевых ресурсов, определяются права и обязанности, а также ответственность участников формирования интернет-ресурсов КНР. Его главные особенности:

- впервые в закон вводятся термины «обеспечение суверенитета в киберпространстве», «сетевая национальная безопасность», «общественные интересы», «легальные права и интересы граждан, корпораций и других организаций», «обеспечение здоро-

вого развития информационных технологий в экономической и социальной областях» (глава 1, ст. 1);

- сформулированы базовые принципы кибербезопасности, даны определения понятиям, относящимся к системе сетевой безопасности (преамбула);
- впервые излагается расширенное определение «суверенитета кибернетического пространства» и применяется понятие «суверенитет в киберпространстве», которое трактуется как фундаментальный принцип «защиты национального суверенитета в киберпространстве», декларируется право каждой страны выбирать путь развития суверенного киберпространства и заявляется о недопущении кибергегемонии отдельно взятой страны (глава 2, ст. 1—2);
- вводится понятие совместного управления международным киберпространством на основе равенства и взаимной выгоды (глава 2, ст. 3);
- закон фиксирует требования стандартизации и контроля за используемым компьютерным оборудованием, в том числе иностранным, и их соответствие национальным стандартам (ст. 23);
- закон требует, чтобы все данные о компаниях и китайских гражданах хранились на внутренних серверах, а за пределы страны передавались лишь с разрешения властей;
- ужесточаются обязательства в области безопасности сетевых операций. Закон предусматривает различные обязательства в области защиты безопасности для сетевых операторов;
- впервые в законодательстве КНР вводится положение об обязательствах операторов в области безопасности критически важной информационной инфраструктуры (КВИИ)³.

Отметим также, что в связи с появлением в китайских документах понятия «суверенитет в киберпространстве» немедленно возникли споры относительно подходов Китая к определению параметров национального сетевого пространства. Появились предположения о введении Китаем неких границ в сети. Однако не следует забывать, что существует понятие национальный сегмент Интернета, более того, уже существуют и соответствующим образом регулируются до-

менные зоны Интернета, соотносящиеся с национальными сегментами сети. Другое дело, что сегодня происходит интернационализация и регионализация доменных имен, что затрудняет «суверенизацию» национальных сегментов Интернета, идет их специализация при сохранении международных доменных имен, а также коммерциализация самого процесса присвоения доменных имен.

Стоит упомянуть еще один документ, касающийся обсуждаемой сферы, а именно «**Государственную программу действий в сфере прав человека (2016—2020 гг.)**». Документ любопытен тем, что, декларируя развитие интернета и сетевых ресурсов в стране и гарантируя «гражданам свободу слова в Интернете» «в выражении их мнений», готовность «уделять должное внимание настроению общества и помыслам народа, выражаемым в сети Интернета»⁴, Пекин на практике действует в направлении ужесточения контроля над политической и экономической информацией, распространяемой в Чайнанет. К тому же игнорируется базовое право граждан на получение информации, а доступ ко многим находящимся за пределами национального сегмента информационным ресурсам блокируется или фильтруется. Справедливости ради отметим, что практика блокирования применяется большинством государств мира, включая страны с наиболее развитой киберкультурой (США, Германия, Россия, Турция, Украина, Южная Корея и др.).

Теперь обратимся к документу «**Международная стратегия сотрудничества в киберпространстве**». Особенности документа в том, что в нем:

- сформулированы базовые принципы кибербезопасности и основные определения понятий, относящиеся к системе сетевой безопасности (преамбула);
- впервые вводится понятие «суверенитет кибернетического пространства», которое трактуется как фундаментальный принцип «защиты национального суверенитета в киберпространстве», декларируется право каждой страны выбирать путь развития суверенного киберпространства и заявляется о недопущении кибергегемонии отдельно взятой страны (глава 2, ст. 1—2);

- вводится понятие совместного управления международным киберпространством на основе равенства и взаимной выгоды (глава 2, ст. 3).

И на этой основе выстраиваются дальнейшие предложения, среди которых:

- необходимость реформирования системы глобального управления Интернетом;
- положение о сотрудничестве в Интернете;
- положение о цифровой экономике и принципах раздела дивидендов;
- положение о международной борьбе с кибертерроризмом и киберпреступностью;
- положение о защите прав граждан и право на частную жизнь;
- положение об обменах в области кибернетической культуры⁵.

Отчасти этот документ перекликается с российской стратегией на международной арене, изложенной в документе «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года».

Анализ документов, регулирующих вопросы информационной безопасности, и деятельности структур, отвечающих за практическое решение этой задачи, позволяют определить и основные направления, на которых Китай концентрирует свое внимание при защите информационного и сетевого пространства. Сегодня они выглядят следующим образом:

- защита персональной информации и крупных информационных массивов, так называемых Big Data;
- защита от проникновения и кибератак на отраслевые сети и информационные системы управления — энергетическую, финансовую, производственную, оборонную;
- обеспечение безопасности телекоммуникационных сетей, защита программ, связанных с развитием ИКТ;
- обеспечение безопасной электронной торговли и развития цифровой экономики;
- развитие и защита отечественных производителей в области ИКТ, компьютерной и сетевой техники с целью максимально-

го сокращения зависимости сектора информационных технологий (ИТ) от внешних источников при одновременном получении максимального доступа к аналогичным зарубежным технологиям с последующим использованием технологических идей и разработок на собственной производственной базе;

- обеспечение национальной информационной безопасности соответствующими техническими средствами, включая технические возможности по отражению кибератак, и ведение военных или оборонительных действий в информационном пространстве;
- обеспечение развития информационного общества с китайской спецификой; контроль над сетевыми СМИ, новыми медиа с целью недопущения проникновения в сетевые ресурсы информации, противоречащей Конституции КНР, либо способной нанести вред системе государственной власти в стране, цензурирование политической, экономической и социальной информации, контроль за социальными сетями и обменом информации;
- расширение международного сотрудничества в сферах, которые ориентированы на развитие системы международной информационной безопасности, на двусторонней и многосторонней основе.

Очень важно при этом обратить внимание на оборонную сферу в киберполитике Китая. По мнению европейских и американских экспертов, изучавших исследования китайских военных, в Китае уже разработана и применяется соответствующая военная стратегия в кибернетической сфере, включая возможность ведения информационной войны (ИВ).

В китайской стратегии информационных войн обычно выделяют три аспекта. Во-первых, китайские военные исходят из того, что информационная война является продуктом эпохи информатизации и использует цифровые технологии и информационное оружие. Происходит «сетевизация» (wangluohua) поля боя, и в центре противостояния оказывается борьба за контроль над информационным пространством с целью нейтрализации и оказания воздействия на

противника. Во-вторых, информационная война — высокотехнологичное поле боя, в котором противники используют информационно-технологические средства, оборудование или системы в борьбе за преобладающее влияние в киберпространстве, за захват инициативы на поле боя, с цифровыми устройствами как основной боевой силой. И, в-третьих, главная цель информационной войны должна состоять в нападении на информационные системы противника при защите информационной инфраструктуры собственных сил. По мнению западных аналитиков, изучавших китайские источники, «целью ИВ, по китайской литературе, является информационное господство [zhixinxiquan]». Подобно американскому понятию «информационного превосходства» в ИВ китайцы будут стремиться разрушить у противника процесс принятия решения, оказывая воздействие на его способность получать, обрабатывать, передавать и использовать информацию. Паралич системы информации и процесса принятия решений противником должен в свою очередь уничтожить волю соперника к сопротивлению или борьбе⁶.

Еще одной важной сферой для китайской стратегии информационной безопасности стала защита внутреннего информационного пространства от вмешательства извне, идеологический контроль над ним.

Как уже отмечалось выше, одной из форм обеспечения безопасности в социально-политической сфере стало блокирование доступа к сетевым ресурсам и информационным сервисам, которые противоречат политико-идеологическим установкам официального руководства страны и затрагивают систему государственной власти в КНР. Представляется, что такая форма в определенной степени противоречит сегодняшней тенденции к созданию информационного общества, нарушает права людей на открытый доступ к информации. Признавая, что подобные решения имеют право на жизнь, следует отметить, что они должны опираться на конституционные и законодательные нормы, учитывать традиции и исторические особенности стран. Пропаганда войны, насилия, терроризма, нацистская идеология, распространение порнографии, педофилии должны блокироваться. Но в то же время необходимо учитывать, что современ-

ные информационные технологии — это важнейшее средство коммуникаций между людьми, инструмент обмена мнениями и идеями, в том числе политическими, повышения образования, средство развития экономической и финансовой деятельности. В этом смысле блокирование тех или информационных ресурсов, равно как и доступа к Интернету, оказывается весьма спорным. Подчеркнем, что в российской Доктрине информационной безопасности это учитывается. В документе четко определяется необходимость соблюдения баланса между потребностью граждан в свободном обмене информацией и ограничениями, связанными с необходимостью обеспечения национальной безопасности, в том числе в информационной сфере. В китайских же правовых и иных документах, регулирующих деятельность в киберпространстве, этот момент игнорируется.

Следует также обратить внимание и на отношение в Китае и в России к социальным сетям, участию граждан в дискуссиях, ведущихся там. Приведем несколько примеров из китайской практики, которые позволяют сопоставить отношение в России к соответствующим вопросам. В настоящее время в Китае ведется борьба с анонимностью сообщений на форумах и различных сайтах. Согласно, ст. 15 Правил администрирования информационных служб Интернета, пользователи не должны создавать и распространять информацию, угрожающую интересам национальной безопасности. Например, запрещается публикация антиправительственных сообщений, пропаганды запрещенных законом действий и т. д. Поставщики услуг интернет-связи обязаны осуществлять идентификацию и верификацию пользователей, а при обнаружении незаконного контента провайдеры должны сообщать об этом властям. Начиная с 1 октября 2017 г. все сообщения, не прошедшие государственную цензуру, будут удалены. Контроль над соблюдением правил будет обеспечивать Государственная канцелярия интернет-информации⁷.

Этот подход сопоставим с действиями административных органов РФ. 1 ноября 2017 г. в России вступили в силу поправки к закону, в соответствии с которым запрещается обход блокировок с помощью сервисов VPN, анонимайзеров, специальных программ, шифрующих

IP-адреса и позволяющих обеспечить доступ к заблокированным сайтам.

В Китае заявляют, что не собираются ограничивать в стране работу легальных VPN-сервисов, хотя упорно циркулирует информация о грядущем запрете этого сервиса. Ряд специалистов в России положительно оценивают способы блокировки доступа к запрещенным сетевым ресурсам, однако копировать применяемые Китаем практику и технологические инструменты в российском киберпространстве не намерены.

В первую очередь это касается СМИ, которые наиболее эффективно сегодня работают в сетевых вариантах. Здесь политика России и Китая расходятся. Во-первых, в РФ действует Закон о печати. В КНР разработанный в 1998 г. соответствующий закон так и не был принят, а попытки его реанимировать до сих пор заканчивались безрезультатно. Во-вторых, российский национальный сегмент подразумевает деятельность в сети официальных, независимых и оппозиционных СМИ. В Китае размещение в сети и публикация политических и экономических материалов носит исключительно разрешительный характер, подвергается цензуре. Размещение такого рода информации происходит только после одобрения уполномоченными учреждениями.

Тем не менее, Россия и Китай в условиях отличающихся подходов к информационной политике и политике в области Интернета ведут активный диалог в поисках взаимоприемлемого и взаимовыгодного информационного сотрудничества.

Проблемы международной кибербезопасности и возможности российско-китайского сотрудничества в этой области

Военная модернизация ведущих мировых держав и повышение практического интереса к созданию, внедрению и применению цифровых технологий в военной области, разработка стратегий ведения кибервойн, накопление огромного количества боевых виру-

сов у технологически развитых стран, утечка исходных кодов боевых вирусов в Сеть резко повысили масштабы обострения информационных рисков и появления новых киберугроз. Безусловный интерес представляют взаимоотношения в сфере кибербезопасности.

Актуальность проблем информационной безопасности признает сегодня все мировое сообщество, и это нашло отражение в серии ежегодных резолюций Генеральной Ассамблеи ООН «Достижения в сфере информатизации и коммуникаций в контексте международной безопасности» (1999—2010) и серии резолюций по вопросам создания глобальной культуры кибербезопасности (2007 — по н.в.).

Одним из первых шагов на пути решения этих проблем становятся действия, направленные на разработку общепринятой базовой терминологии, касающейся данного предмета. Нередко даже определение «кибернетическая безопасность» трактуется в разных странах по-разному. Возьмем, к примеру, определение «информационная безопасность». Чаще всего его трактовка сводится к обеспечению сохранности информационных ресурсов и защищенности законных прав личности и общества в информационной сфере. В «Доктрине информационной безопасности» РФ под информационной безопасностью понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие России, оборона и безопасность государства. В Китае мы наблюдаем более четкое распределение этих понятий: *ванло аньцюань* — сетевая или кибербезопасность, сконцентрировавшая свое внимание на Интернете, и *синьси аньцюань* — информационная безопасность, где главными объектами являются цифровые данные. Однако заметим, что содержание этих понятий в китайском варианте нередко смешивается, трансформируя их в синонимы одного явления одного и того же порядка.

Китай более 20 лет ведет на международной арене переговоры по проблемам кибернетической безопасности. Определяющими для

него в этой области являются киберотношения с Америкой. Именно от Соединенных Штатов исходит давление на информационное пространство КНР. При этом Вашингтон обвиняет Китай в организации проникновений в сетевые ресурсы Минобороны США, спецслужб, крупнейших компаний, занятых в первую очередь военным производством, а также в хакерских атаках. По мнению американского исследователя проблем информбезопасности в АТР Тоши Ёшихара, Китай продемонстрировал интенсивное увлечение информационной войной (ИВ). Потенциальное продвижение в китайскую доктрину ИВ и ее возможности имеют прямое отношение к национальной безопасности США. Способность Китая к ведению информационной войны против Соединенных Штатов в мирное время, конфронтация или конфликт могут поставить серьезные проблемы перед теми, кто занимается планированием в области обороны.

Начиная с конца 2016 г. внешние проявления напряжения в китайско-американском диалоге по информационной безопасности, а также накал публичных взаимных обвинений в кибератаках заметно уменьшились. США сконцентрировали свое внимание на т.н. вмешательстве России в американские президентские выборы 2016 года и деятельности «пропагандистских СМИ Москвы».

Сегодня США и КНР ведут дискуссии по двум дорожкам: официальный диалог в рамках рабочей группы китайско-американского стратегического диалога, а также на уровне экспертов двух стран. В первом случае переговоры носят закрытый характер, и их содержательная часть, кроме демонстрации взаимных обвинений, не является предметом публичного доступа. Возможность прийти к взаимоприемлемым компромиссам в условиях интенсивной разработки средств ведения информационных войн обеими странами пока представляется весьма проблематичной.

Применительно к российско-китайским отношениям мы можем констатировать их заметную продвинутость в направлении взаимодействия и сотрудничества на двусторонней и многосторонней основе. К настоящему времени между Россией и Китаем сформировался работающий механизм сотрудничества в области информационных

технологий и кибербезопасности. Его важнейшими составляющими являются следующие компоненты:

- межправительственная Комиссия по подготовке регулярных встреч глав правительств РФ и КНР;
- российско-китайская Подкомиссия по связи и информационным технологиям. Комиссия провела 16 заседаний по вопросам диверсификации поставок высокотехнологичного оборудования, включая серверы, системы хранения и телекоммуникационное оборудование, проблемы укрепления сетевой безопасности, повышения эффективности госуправления и развития глобального информационного пространства;
- взаимодействие в рамках ООН, ШОС, БРИКС;
- сотрудничество оборонных ведомств РФ и КНР;
- взаимодействие на экспертном уровне.

Важным элементом этого механизма стало российско-китайское Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, подписанное в мае 2015 г., определившее параметры контактов и взаимодействия в информационно-цифровой сфере. Согласно документу страны будут совместно реагировать на наиболее острые угрозы международной информационной безопасности, а именно: использование ИКТ в террористических целях, для вмешательства во внутренние дела государств, подрыва суверенитета, политической и экономической стабильности, разжигания межнациональной и межконфессиональной вражды, совершения правонарушений. Для двусторонних связей это соглашение имело принципиальное значение, несмотря на то что оно носило рамочный характер. Тем не менее, договоренности, содержащиеся в документе, потянули за собой практические действия: активизировались консультации по этим вопросам по линии дипломатических ведомств двух стран.

Россия и Китай учитывают и основные тренды на международной арене.

В мировом сообществе де-факто началось формирование региональных систем международной информационной безопасности. Одним из первых шагов в данном направлении стало подписание в

июне 2009 г. в Екатеринбурге (Россия) Соглашения между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области международной информационной безопасности. Соглашение вступило в силу 5 января 2015 г. Достижением этого документа стало то, что его участникам удалось согласовать систему определений, относящихся к области информационной безопасности. Иными словами, была выработана общая платформа для дальнейшего продвижения согласованных идей в области международной информационной безопасности в ООН, других международных организациях, в многосторонних и двусторонних диалоговых структурах, в которые в той или иной степени вовлечены члены ШОС.

По тому же пути пошла и Организация Договора о коллективной безопасности, также наметившая направления сотрудничества между государственными органами государств-членов в деле противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации и компьютерного терроризма. Взаимодействие ведется в рамках Международного союза электросвязи (МСЭ), в ходе Всемирных встреч на высшем уровне по вопросам информационного общества (ВВУ-ИО), в ООН, БРИКС, в рамках АТЭС и других международных структур.

В этом же русле МИДом России по согласованию с заинтересованными государственными органами был подготовлен и направлен в 2011 г. в Секретариат ООН документ **«Принципы, касающиеся международной информационной безопасности»**. Документ содержит определения таких базовых понятий в сфере международной информационной безопасности, как международная информационная безопасность, угроза информационной безопасности, информационное оружие и других. Документ поддержан китайскими дипломатами.

Вопросы информационной безопасности перестают быть монопольным владением только одной страны или группы стран. Сегодня важен учет всего спектра мнений и предложений. Стоит напомнить и о том, что 9 января 2015 г. Генеральному секретарю ООН были направлены Правила ответственного поведения государств в киберпространстве, включающие 13 пунктов. Это сделали постоян-

ные представители Казахстана, Китая, Кыргызстана, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при Организации Объединенных Наций.

Вопрос о кибербезопасности в рамках объединенных в ШОС группы стран достаточно сложен и запутан, несмотря на постоянный диалог и наличие соглашения о сотрудничестве в сфере информационной безопасности. Уместно напомнить, что в начале октября 2016 г. группировка хакеров Pakistan Naxos Crew из Пакистана заявила, что за последнее время ее участниками было взломано более 7 тыс. индийских сайтов. К этим действиям присоединились китайские хакеры.

В мае 2016 г. компания Symantec отследила взлом ряда индийских ресурсов, осуществленный китайской группой кибершпионов Suckfly. В число ресурсов попали системы центрального правительства и крупных финансовых структур. Причем, как утверждают специалисты, было установлено, что утечка данных началась в апреле 2014 г. и продолжалась весь 2015 г. Специалисты Symantec считают, что целью этого кибервторжения был подрыв экономической инфраструктуры Индии. Неделю спустя российская Kaspersky Lab заявила, что отследила вторжение «китайскоговорящей» группы кибершпионов Danti, проникшей в системы центрального правительства Индии по дипломатическим каналам. В ходе атаки использовалась незарегистрированная уязвимость программного обеспечения. Оба случая не получили широкого освещения в Индии, атакованные организации не дали комментариев. Отсутствие какой-либо серьезной реакции на кибератаки со стороны индийского правительства делает страну уязвимой для дальнейших нападений.

В этом проявилась одна из главных особенностей современного состояния проблемы, поскольку информационная война сегодня стала неотъемлемой частью современной международной жизни, информационные, или кибервойны ведутся всеми и против всех. К тому же цифровое информационное пространство, включая его важный компонент, которым стали социальные сети, сегодня превратилось в зону, используемую для стимулирования антиправительственных выступлений в государствах ШОС и азиатских стра-

нах. В этом отношении диалог, который ведется спецслужбами стран ШОС на площадке РАТС (Региональная антитеррористическая структура ШОС), вполне закономерен и обоснован.

Мероприятия практического свойства стали организовываться и по линии оборонных ведомств двух стран, в частности, подготовка и проведение штабных сетевых учений. В декабре 2017 г. Россия и Китай наметили вторые совместные компьютерные командно-штабные учения по противоракетной обороне «Воздушно-космическая безопасность-2017». Первые российско-китайские компьютерные командно-штабные учения по противоракетной обороне «Воздушно-космическая безопасность-2016» прошли в мае 2016 г. на базе Центрального НИИ Войск воздушно-космической обороны Минобороны России.

Летом 2017 г. были начаты переговоры и изучение технических возможностей по созданию совместной технологической платформы по отражению киберугроз и снижению рисков в информационном пространстве.

Большое значение имеет и вступившее в силу 22 января 2017 г. Соглашение между РФ и Индией о сотрудничестве в области обеспечения безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий. Согласно этому документу Москва и Дели осуществляют взаимодействие в области обеспечения безопасности в сфере использования ИКТ по целому ряду направлений. Идея заключения аналогичного соглашения обсуждается с Бразилией. Аналогичное соглашение прорабатывается с Южной Африкой, а в рамках БРИКС ведутся дискуссии по вопросам информационной безопасности, которые охватывают такие вопросы, как деятельность новых медиа, противодействие киберпреступности, кибертерроризму, другим киберугрозам.

Таким образом, идет поиск взаимоприемлемых подходов к решению проблем, возникающих в развивающемся кибернетическом пространстве, определения степени понимания теми или иными участниками процесса выработки взаимоприемлемых критериев и сфер обеспечения безопасного киберпространства. Эта работа ведется уже на практическом уровне, в том числе с привлечением не

только политиков, но и юристов. Общеизвестно, что обязательным условием разработки положений кибербезопасности должно стать участие в этом процессе людей, компетентных в Интернете и современных коммуникативных технологиях.

С вовлечением в этот процесс специалистов и экспертов российско-китайский диалог по цифровой безопасности становится более комплексным и потенциально более плодотворным. В настоящее время между Россией и Китаем развивается экспертный диалог по проблемам информационных технологий, т. е. так называемая вторая дорожка. 29 октября — 3 ноября 2017 г. в Китае прошла международная конференция «Доверие и безопасность в информационном обществе» (Инфофорум-Китай). Конференция проходила при поддержке российских федеральных органов власти, в состав делегации вошли также представители министерств и ведомств РФ. С китайской стороны, конференция проводилась при участии Ассоциации облачной безопасности Китая, ведущих предприятий ИТ-отрасли и вузов Китая. Российская сторона обратила внимание китайских партнеров на отсутствие в составе участников представителей правительственных и иных официальных структур КНР. Была выражена надежда, что на следующей встрече в форуме примут участие и правительственные чиновники.

Экспертный форум выявил обоюдную заинтересованность в широком обсуждении различных тем, связанных не только с общими вопросами киберпространства и информационной безопасности. С российской стороны была высказана заинтересованность в обсуждении практических проблем экспорта/импорта продуктов ИКТ.

Одним из самых затрудненных для достижения взаимоприемлемых договоренностей вопросов стали проблемы *взаимного доверия в киберпространстве*. В этом проявились особенности влияния цифровых технологий на современную международную жизнь, поскольку зачастую параметры и доказательства создаваемых киберугроз, источники кибернападений, применяемые для кибератак средства, равно как и само кибероружие, скрыты от традиционных средств объективного наблюдения, контроля и верификации, имеющих в распоряжении военных специалистов, политиков, дипломатов-пе-

реговорщиков. К тому же эти источники физически могут проявиться только когда атака уже состоялась и результат стал очевидным.

Наведение порядка в современном информационном пространстве стало сегодня важной составной частью общемирового процесса, и мы видим, что в этой области постепенно накапливается позитивный опыт и результаты. Одновременно сохраняются серьезные проблемы, нуждающиеся в решении, возникают и развиваются новые факторы, в том числе технологического характера, которые препятствуют взаимодоверию и решению актуальнейших вопросов обеспечения информационной безопасности.

В то же время практический диалог наших двух стран в этой области показывает, что даже с учетом всех проблемных аспектов Россия и Китай двигаются в направлении активного сотрудничества по вопросам обеспечения безопасности в информационном пространстве. И делают это на двусторонней и многосторонней основе, что позволяет сделать вывод о положительном влиянии диалога двух стран по этим проблемам на двусторонние отношения и на международную ситуацию в целом.

Заключение

В современных российско-китайских отношениях применительно к данной проблеме, безусловно, серьезным достижением стало то, что между двумя странами созданы благоприятные условия и выстраивается платформа для дальнейшего двустороннего диалога по концептуальным, дипломатическим, техническим, оборонным аспектам этой проблемы, включая обмены конкретными продуктами ИКТ. На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Запущен и функционирует механизм взаимодействия двух стран в области информационной и кибербезопасности, который постепенно расширяется, охватывая технические вопросы сотрудничества в области ИКТ, вопросы сотрудничества в оборонной области, разработки методов противостояния западным информационным технологиям.

2. Россия и Китай с одинаковых позиций подходят к проблеме выработки приемлемого международного кодекса поведения в киберпространстве, совместной борьбы с кибертерроризмом и сетевой преступностью.

3. Ведется обмен информацией, данными о кибератаках, сетевых преступлениях. Нароботан практический опыт взаимодействия по всем этим вопросам, что позволяет говорить о достижении определенного уровня взаимного доверия в этой области.

4. Сфера взаимодействия постепенно расширяется, при этом демонстрируется ненаправленность двустороннего сотрудничества в области кибербезопасности против третьих стран при одновременном соблюдении собственных национальных интересов и понимании аналогичных интересов партнера.

5. Россия и Китай активно взаимодействуют в этой области в международных организациях и диалоговых структурах — ШОС, БРИКС, РИК, ООН, СВМДА и др.

6. Постепенно возникают условия для сотрудничества в технологической сфере и в области разработки и создания современных технических средств по противодействию и отражению киберугроз.

Вместе с тем следует обратить внимание на проблемы, которые сдерживают диалог в этой сфере и создают риски обострения недоверия между партнерскими странами.

Во-первых, при проведении внутренней информационной политики и работе с социумом подходы двух стран значительно разнятся. В Китае существует цензура, которая реализуется через специальные технологии, блокирующие нежелательную информацию по политическим, идеологическим, этническим, имиджевыми и иным параметрам. Блокировка сайтов в Китае осуществляется в результате административных, а не правовых решений и распоряжений. Фильтрации подвергаются и российские сетевые ресурсы. В России также происходит фильтрация и блокировка, которая осуществляется Роскомнадзором, действующим на основе закона, конституционных положений и решений суда. Однако блокировка по политическим мотивам почти не реализуется. Такое положение дел

мешает сотрудничеству двух стран в сфере новых медиа и тормозит распространение объективной информации о России в Китае.

Во-вторых, при рассмотрении функционирования национальных сегментов и реальной опасности их отключения от остального мира Россия выступает за децентрализацию управления Интернетом, тогда как Китай ужесточает контроль над сетевыми ресурсами внутри страны, выступая при этом за «совместное управление информационным пространством». Эти нюансы в подходах выявились, по словам сопредседателя российской стороны, летом 2017 года, во время проведения 16-й встречи Подкомиссии по связи информатизации в Москве.

В-третьих, проблемы возникают и в результате регулярных атак на российские ресурсы с китайских IP-адресов. Лаборатория Касперского зафиксировала активизацию китайских хакерских атак в третьем квартале 2017 г., основными целями которых стали, в частности, российские госпроекты с некоторыми азиатскими странами. В июле была выявлена атака IronHusky, целью которой стали компании из авиационного сектора России и Монголии (ранее страны договорились о сотрудничестве в развитии проектов воздушной обороны Монголии). Кроме того, в это же время были атакованы энергетические предприятия России и Индии после подписания соглашения между странами о сотрудничестве в атомном секторе. Добавим также, что нападения на промышленные, энергетические, научно-исследовательские и корпоративные сети — характерная особенность современного киберпротivостояния. В качестве примера можно привести массовые атаки на внутренние сети крупнейших японских корпораций сразу после аварии на АЭС Фукусима со стороны США, Китая, Индии, Вьетнама и других стран.

В-четвертых, в 2017 г. РФ и КНР договорились обсудить вопросы создания телекоммуникационного оборудования для противодействия возможным кибератакам и поднять эту тему в рамках БРИКС с целью создания «системы защиты критически важной инфраструктуры». Насколько это сотрудничество будет эффективным, предсказать сложно. Россия здесь не в равных условиях с Китаем. Китай — производитель компьютерного и сетевого оборудования, серверов, сетевов-

го оборудования, оборудования для мобильной связи и проч. Россия в силу известных причин вынуждена закупать многие компоненты для такого оборудования за границей, а в условиях санкционной политики Запада в Китае. Важно напомнить, что правительство Индии, например, еще в 2010 г. запретило приобретение китайской компьютерной техники на государственные нужды из-за того, что китайцы устанавливают специальные коды, позволяющие дистанционно подключаться и манипулировать информацией. К тому же появились прецеденты для более широкого вмешательства: в ноябре 2017 г. разразился скандал вокруг смартфонов OnePlus. Оказалось, что в ПО смартфонов был встроен код Backdoor, позволяющий при введении дистанционно соответствующего пароля подключаться к информационным сегментам телефона и скачивать информацию.

В-пятых, еще одной проблемой следует назвать ведение Китаем «дружественной» разведывательной деятельности против России. В Законе о разведке КНР подчеркивается, что при полном использовании традиционных методов сбора разведывательной информации власти должны также применять большие массивы цифровых данных и информационные технологии.

Тем не менее, можно констатировать, что на фоне сложных и противоречивых процессов в двустороннем сотрудничестве в цифровой сфере и киберпространстве накоплены позитивные тенденции в отношениях между двумя странами.

Несмотря на все трудности и препятствия, существующие в телекоммуникационной области, российско-китайский диалог продолжает развиваться. Между партнерами накапливается опыт взаимодействия по всем направлениям дискуссий в области кибербезопасности: по дипломатическим, межправительственным каналам, на уровне отдельных компаний, в области развития новых цифровых медиа, создания совместных телекоммуникационных платформ позволяющих нейтрализовать киберугрозы. Речь идет как о выработке взаимоприемлемых положений о нормах и правилах поведения в интернет-пространстве, так и о выработке и применении мер доверия в киберпространстве.

Ноябрь 2017 г.

Примечания

¹ Под воздействием государства увеличилось число провайдеров интернет-услуг. Официальное разрешение заниматься предоставлением интернет-услуг населению появилось в 1995 г. В первом десятилетии нового столетия самыми крупными компаниями, предоставляющими услуги Интернета, стали China Telecom, China Mobile и China Unicom. Инфраструктура включала в себя девять интернет-провайдеров, в ведении которых находятся все физические каналы, связывающие Китай с окружающим миром. Китайский сегмент Интернета разделен на несколько специализированных сетей, в которые входят: научно-исследовательская China Science and Technology Network (CSTNet, URL: <http://www.cnc.ac.cn>); данная сеть объединяет НИИ, государственные научно-технические органы и некоторые академические учреждения; образовательная сеть China Education and Research Network (CERNET, URL: <http://www.edu.cn>), объединяющая образовательные учреждения Китая, включая средние школы и университеты в крупных городах страны; коммерческие сети; наиболее крупные — China Net (URL: <http://www.bta.net.cn>), государственная сеть, которая охватывает более 50 % рынка интернет-услуг в стране и предоставляет интернет-сервис государственным организациям, а также Golden Bridge Network (GBNet, URL: <http://www.gb.co.cn>). См.: Индекс безопасности. № 1 (104)/2013. С. 172.

² Сюй Линь родился в Шанхае в июне 1963 года. Окончил Шанхайский педагогический университет, член КПК с 1982 года. Назначен на должность 29 июня 2016 года. До назначения возглавлял Управление пропаганды шанхайского горкома КПК, был секретарем парткома городского района Пудун. Занимал различные должности в Шанхае и шанхайском регионе. В 1995 году занял должность заместителя секретаря парткома в районе Шигадзе в Тибете. Через два года вернулся в Шанхай занимал различные должности в Управлениях сельского хозяйства, по гражданским делам и кадрам. Считается политическим союзником Си Цзиньпина и одним из его фаворитов.

³ Сюда входят требования к внутренней организации, подготовке сотрудников, резервированию данных и выработке мер реагирования на чрезвычайные ситуации (ст. 34); хранение личных данных и других важных данных должно обеспечиваться исключительно на территории КНР (ст. 37); закупка сетевых продуктов и услуг, которые могут повлиять на национальную безопасность, должна осуществляться под контролем соответствующих органов безопасности (ст. 35); проведение ежегодных оценок рисков кибербезопасности и предоставление отчетов о результатах этих оценок и мерах по улучшению ситуации соответствующим органам власти (ст. 38).

⁴ Государственная программа действий в сфере прав человека (2016—2020 гг.), опубликована 29 сентября 2016 года. Полный текст на русском языке: URL: http://russian.news.cn/importnews/2016-09/29/c_135723004.htm

⁵ Полный текст размещен на сайте Администрации по делам киберпространства КНР. URL: http://www.cac.gov.cn/2016-12/27/c_1120195926.htm. Попутно отметим, что одним из первых документов Госканцелярии по интернет-информации стали «Правила управления и обслуживания интернет-сообщества» — небольшой документ из 13 статей. В новых правилах ведомство попыталось упорядочить сервисные услуги для пользователей Интернета и потребителей контента.

⁶ Эти выводы были сделаны в рамках проекта «АБИРУС» американским экспертом Тоши Ёшихара еще в ноябре 2001 года в Институте стратегических исследований Военного колледжа армии США (CHINESE INFORMATION WARFARE: A Phantom Menace Or Emerging Threat? Toshi Yoshihara, Strategic Studies Institute, U.S. Army War College). Первоисточник в Интернете, где была размещена статья ученого, после событий 11 августа 2001 г. в США перестал быть доступен. На русском языке статья широко используется российскими исследователями ИВ.

⁷ Следует обратить внимание на краткий список тем, которые оказались под запретом в китайском сегменте Интернета: 1) оппозиция конституционным принципам КНР; 2) нарушение национальной безопасности, раскрытие государственной тайны, подрыв государственной власти, подверженное сомнению государственное воссоединение территорий; 3) нарушение ущерба государственной чести и национальным интересам; 4) возбуждение национальной ненависти, этническая дискриминация, подверженное сомнению народное единство; 5) подверженное сомнению государственных принципов по вопросам религии и культов; 6) распространение слухов и нарушение основ общественного строя; 7) распространение порнографии, насилия и сцен террора; 8) оскорбление и унижение граждан; 9) нарушение любых других законов и правил. Учитывая довольно размытые определения и введение положения о «других законах и правилах», нарушителем может стать любой пользователь, а значит, власти в перспективе получают контроль над гражданами не только с точки зрения отслеживания контента, но и с точки зрения сдерживания недовольства пользователей Интернета в отношении существующей общественной и политической ситуации в КНР (URL: http://www.cac.gov.cn/2017-08/25/c_1121541921.htm).

П.Б. Каменнов

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Автор рассматривает обстановку в сфере военной безопасности и анализирует основные направления военной политики и военного строительства Китая в контексте «Военной стратегии Китая» 2015 г. и стратегической концепции «активной обороны в новых условиях». Рассмотрены вопросы участия КНР в региональных форумах безопасности и международном военном сотрудничестве, деятельность Китая в Южно-Китайском море и Индийском океане; новая военная реформа, российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество.

Ключевые слова: военная политика, военное строительство, контроль над армией со стороны КПК, информатизация, стратегия «активной обороны в новых условиях», военные расходы, новая военная реформа, невоенные операции НОАК.

В начале XXI века военная политика Китая направляется на обеспечение условий реализации национальной стратегии развития, целью которой является достижение Китаем к середине XXI века (к столетию образования КНР) статуса сильной, модернизированной, объединенной (имеется в виду решение тайваньской проблемы) державы, занимающей доминирующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе и равной по своему политическому

влиянию, экономической и военной мощи другим державам мира. Реализацию национальной стратегии в Китае связывают с усилением, комплексной мощи государства (КМГ), которая рассматривается в качестве общей способности государства путем мобилизации всех ресурсов — как национальных, так и мировых — осуществлять данную стратегию.

Согласно китайским взглядам *международная обстановка в сфере военной безопасности* характеризуется сложностью и противоречивостью мировых процессов. Наряду с тем, что в отношениях между странами доминирующими тенденциями продолжают оставаться мир и развитие, усиливаются факторы неопределенности и нестабильности.

На востоке Евразии налицо две противоположные тенденции. С одной стороны — укрепление факторов стабильности. Сотрудничество стран Восточной Азии, осуществляемое через механизм АСЕАН плюс КНР, Япония и Южная Корея (10+3), расширяется и играет главную роль в обеспечении здесь мира и стабильности.

С другой стороны, нарастают факторы, осложняющие обстановку в регионе. Беспокойство Пекина вызывают такие направления военной политики Вашингтона, как «возвращение США в АТР», усиление военных связей с Японией и другими союзниками США в регионе; поддержание отношений с государствами-партнерами США, включая страны Юго-Восточной Азии и Индию; формирование многослойной системы отношений с союзниками США, способствующей более активному использованию в американских интересах Восточно-Азиатского саммита и других региональных институтов.

В апреле 2015 г. США заявили о намерении поставить Японии новейшее вооружение и продолжить перегруппировку своих сил, которые находятся на территории островного государства. При этом Вашингтон подтвердил гарантии по обеспечению безопасности Японии, «включая полный спектр военных возможностей США, в том числе ядерное и обычное оружие»¹.

Наряду с этим США намерены увеличить свое военное присутствие на Филиппинах. Соответствующее соглашение между США и Филиппинами сроком на 10 лет подписано в апреле 2014 г., согласно

документу на Филиппинах будут размещены дополнительные контингенты вооруженных сил США «на принципах временного и ротационного пребывания». Кроме того, США предоставлено право размещать свои истребители и военные корабли на базах Филиппин².

Резко негативную реакцию Пекина вызывает начавшееся в апреле 2017 г. развертывание на территории Южной Кореи американской системы ПРО ТНААД (Terminal High Altitude Area Defense), предназначенной для перехвата баллистических ракет малой и средней дальности и призванной защитить Южную Корею от ракетной угрозы со стороны КНДР. В Китае полагают, что развертывание данной системы, которая вступит в строй в 2018 г., ведет к нарушению сложившегося в АТР баланса сил и не отвечает интересам безопасности³.

Концепция «возвращения США в АТР» нашла отражение в Национальной военной стратегии США (версия 2015 г.), в которой подтверждено намерение США выполнять договорные обязательства перед Южной Кореей, Японией, Филиппинами и Таиландом, «призывая последний как можно скорее вернуться к демократии». Новым моментом, изложенным в документе, является участие, а по существу вмешательство США во внутренние дела Бирмы с целью распространить свое влияние на эту страну. В документе прямо заявлено *о намерении США в конкурентной борьбе с КНР в Азии действовать с позиции силы*. Под пристальным контролем США остается военная деятельность Китая. Среди международных организаций роль ведущих партнеров США отведена НАТО и Европейскому союзу. К категории партнеров США отнесена Индия⁴.

Новая администрация США во главе с президентом Д. Трампом намерена поддерживать контакты по военной линии с Китаем для выявления возможных направлений сотрудничества, осуществления контроля за развитием ситуации в отношениях между двумя странами и уменьшения рисков, побуждения Китая к большей прозрачности в области безопасности и обороны. США продолжают наблюдение за ходом военной модернизации Китая для осуществления адекватных мер в области военного строительства, инвестиционной политики и оперативных концепций с целью сохранить свой обо-

ронный потенциал, предотвратить агрессию и защитить союзников и партнеров⁵.

Стремление Китая развивать конструктивный диалог с США по проблемам военной безопасности встречает противодействие в виде политики «сдерживания» Китая, направленной на сохранение доминирующего положения США в АТР. В связи с этим заключение в 2014 г. двух соглашений между КНР и США в области военного сотрудничества⁶, а также Соглашения о диалоге в военной сфере 2015 г.⁷, по нашей оценке, не может рассматриваться как шаг в направлении урегулирования коренных противоречий между двумя странами в военно-стратегическом плане. Упомянутые соглашения устанавливают процедуру взаимного уведомления в случае проведения военных учений и других крупных перемещений войск и техники, а также правила поведения сторон в случае нахождения их военных судов или самолетов в непосредственной близости друг от друга. Беспокойство Китая вызывает ситуация на Корейском полуострове, прежде всего действия Пхеньяна, направленные на реализацию ядерной и ракетной программ КНДР в нарушение резолюций Совета Безопасности ООН. В этой связи Пекин поддержал резолюцию Совета Безопасности ООН (март 2016 г.), направленную на блокирование ядерной и ракетной программ КНДР как угрожающих режиму нераспространения ядерного оружия, выразив намерение добиваться возобновления диалога и переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова как единственной возможности ее разрешения⁸.

Большое значение Китай придает участию в *международном военном сотрудничестве*, прежде всего сотрудничеству со странами АТР, в котором стремится занять лидирующее положение. Согласно опубликованной Госсоветом КНР «Военной стратегии Китая» (январь 2015 г.)⁹ Китай намерен продолжать участие в многосторонних форумах безопасности и сотрудничества АТР, в частности Совещание министров обороны АСЕАН плюс (ASEAN Defense Ministers' Meeting Plus), Региональный форум АСЕАН (ASEAN Regional Forum), Диалог Шангри-Ла (Shagri-La Dialogue), Международный диалог по проблемам обороны Джакарта (Jakarta International Defence

Dialogue, Военно-морской симпозиум стран Западной части Тихого океана (Western Pacific Naval Simposium). Наряду с этим уделяется внимание развитию сотрудничества по военной линии со странами — участниками Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а также со странами Африки, Латинской Америки и Южной части Тихого океана¹⁰.

В области реализации положений Декларации действий сторон в Южно-Китайском море 2002 г. и подготовки Кодекса поведения в Южно-Китайском море в 2015 г. достигнут некоторый прогресс. На состоявшейся в Тяньцзине в августе 2015 г. 9-й встрече полномочных представителей КНР и АСЕАН стороны достигли соглашения о создании трех специализированных технических комитетов по следующим направлениям: «Безопасность мореплавания и поисково-спасательные операции», «Океанологические исследования и охрана окружающей среды» и «Борьба с транснациональной преступностью на море». В переговорах по Кодексу стороны достигли прогресса по пяти направлениям, в числе которых — соглашение о необходимости скорейшего достижения консенсуса по учреждению платформы «Горячая линия КНР—АСЕАН по поисково-спасательным операциям на море» и платформы «Горячая линия дипломатических сотрудников КНР—АСЕАН по чрезвычайным ситуациям»¹¹.

Наряду с традиционными вызовами национальной безопасности КНР в Пекине особо выделяют целый ряд многообразных угроз и вызовов нетрадиционного характера, из которых особое место занимают «три силы зла» — *сепаратизм, терроризм и экстремизм. Угрозу суверенитету и национальной безопасности Китая представляют сепаратистские силы, выступающие за независимость Тайваня, за независимость Восточного Туркестана, за независимость Тибета*¹².

Одной из главных проблем для китайского руководства остается разрешение тайваньской проблемы на условиях КНР по принципу «одна страна — две системы», которое рассматривается в Пекине как важнейший шаг в направлении завершения «воссоединения нации» после возвращения под юрисдикцию КНР Гонконга и Макао в 1997 и 1999 г. соответственно. Для решения этой проблемы Китай де-юре не исключает использования военного фактора: «Законом

КНР о противодействии расколу государства» 2005 г.¹³ определены условия, при которых Китай намерен применить «немирные и другие необходимые меры для защиты своего суверенитета и территориальной целостности» (ст. 8): 1) если сторонники «независимости Тайваня» тем или иным способом добьются фактического отторжения Тайваня от Китая; 2) если произойдут крупные события, влекущие за собой отторжение Тайваня; 3) если возможности мирного воссоединения будут полностью исчерпаны.

В последние годы появились серьезные основания полагать, что Пекин не заинтересован в решении тайваньской проблемы с использованием военной силы. Неурегулированность политических отношений не препятствует развитию торгово-экономических связей между двумя берегами. Материковый Китай прочно утвердился в качестве главного торгового партнера Тайваня и основного получателя его инвестиций. В 2016 г. объем торговли между двумя берегами составил 179,6 млрд долл. По состоянию на конец декабря 2016 г. в материковом Китае было зарегистрировано в общей сложности 98 815 проектов с тайваньским капиталом¹⁴. Следует отметить, что в материалах XVII и XVIII съездов КПК (2007 и 2012 г. соответственно) не содержится тезис о возможности использования КНР для решения тайваньской проблемы военного фактора.

Препятствием на пути объединения является укоренившееся недоверие и подозрительность по отношению к материковому Китаю со стороны Тайваня, а также сохраняющиеся под давлением США американо-тайваньские союзнические связи в военной области, вызывающие протест со стороны Пекина. Кроме того, отношения между двумя берегами могут осложниться в связи с избранием в январе 2016 нового президента Тайваня, которым стала кандидат от оппозиционной демократической прогрессивной партии Цай Инвэнь. Новый президент пока высказывается за сохранение «статус-кво», однако испытывает сильное давление сторонников объявления независимости острова.

Проблема *сепаратизма СУАР* рассматривается Китаем не только как проблема внутренней политики страны, но и как угроза безопасности всей Центральной Азии. По инициативе Пекина в рамках дея-

тельности ШОС по обузданию «трех сил зла» (*сепаратизм, терроризм и экстремизм*) и обеспечению региональной безопасности в 2001 г. подписана Конвенция по борьбе с этими явлениями, налажено тесное взаимодействие между спецслужбами стран ШОС, составлены списки террористических организаций и лиц, на основании которых казахстанские и киргизские власти выдали Китаю ряд уйгурских боевиков.

Серьезной проблемой для руководства КНР продолжают оставаться акции протеста тибетцев против политики центральной власти по борьбе с *тибетским сепаратизмом*, организуемые «Движением за свободный Тибет» и поддерживаемые различными общественными организациями и общественными деятелями других стран. В основе движения лежит протест против распространения на данный регион политического контроля Центра. Напряженную ситуацию стремятся использовать в своих геополитических интересах США, Индия и Непал, которые рассматривают территорию Тибета как плацдарм для установления контроля над границами и тылом Китая¹⁵.

В декабре 2015 г. принят Закон КНР по борьбе с терроризмом, согласно которому НОАК получила возможность проводить антитеррористические операции за рубежом¹⁶. По нашей оценке, это связано прежде всего со стремлением обеспечить интересы Китая применением военной силы против возможных проявлений международного терроризма в Афганистане, странах Южной Азии (Пакистан, Бирма, Шри-Ланка), где Китай на протяжении последних лет создает сеть опорных пунктов для военно-морских и военно-воздушных сил НОАК, а также в странах Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки с неустойчивыми политическими режимами, многие из которых являются для Китая источниками энергоносителей и стратегического сырья. Можно предположить, что расширение сферы применения НОАК повлечет за собой формирование антитеррористических экспедиционных сил, специально предназначенных для действий за пределами национальных границ.

Одним из важных направлений военной политики Китая является *расширение присутствия военно-морских сил НОАК в Индийском океане* с целью обеспечения безопасности морских путей транспор-

тировки импортируемой нефти, а также — осуществления контроля за обстановкой в регионе ЮВА на случай возможного вооруженного конфликта вокруг Тайваня с вмешательством США. Предпринимаются меры по расширению и модернизации системы базирования китайских ВМС в операционной зоне Южного флота.

В последние годы степень зависимости экономики Китая от импорта нефти превысила 60 % и продолжает возрастать. В 2016 г. объем импорта нефти составил 381 млн т, что на 13,6 % больше аналогичного показателя 2015 г. С целью обеспечения возможностей транспортировки нефти в КНР, минуя Малаккский пролив, фактически находящийся под контролем США, Китай создает в зоне Индийского океана сеть опорных пунктов для ВМС и ВВС НОАК от о. Хайнань в Южно-Китайском море до Юго-Западной Азии (стратегия, получившая в США наименование «нить жемчуга»). В настоящее время сеть включает в себя строящиеся при финансовой и технологической помощи Китая порты Гвадар (Пакистан), Хамбантога (Шри-Ланка), Читтагонг (Бангладеш), Чаупхью (Мьянма)¹⁷. В феврале 2016 г. Китай начал строительство военно-морской базы в Джибути (Восточная Африка), которое может быть завершено в 2017 г.¹⁸

Наряду с этим, Пекин, опираясь на растущий военный потенциал, с начала 2015 г. в одностороннем порядке активизировал свою деятельность по освоению не принадлежащих КНР островов архипелага Спратли в Южно-Китайском море путем наращивания территории находящихся здесь рифов и отмелей и превращения их в искусственно созданные острова с взлетно-посадочными полосами, причалами, складами и другими сооружениями. При этом Пекин утверждает, что Китай расширяет территорию, на которую у него имеется полный суверенитет. Однако, согласно Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву (UNCLOS), Пекин не может требовать суверенитета на эти образования, как и на территориальные воды с воздушным пространством над ними и на исключительную экономическую зону (ИЭЗ). Об этом говорится в ст. 56, 60 и 80 упомянутой Конвенции. Суверенные права на них принадлежат только прибрежному государству, в ИЭЗ которого они находятся. Односторонние действия Пекина привели к обострению конфликта по поводу территории

ального суверенитета в Южно-Китайском море. Спор ведется не только между Китаем и соседними государствами ЮВА, но и между Китаем и такими державами, как США, Япония и Индия. Судебное разбирательство в Арбитражном трибунале в Гааге в связи с иском по данной проблеме со стороны Филиппин закончилось в пользу Филиппин. Однако в Меморандуме Китая 2014 г. Китай поставил под сомнение компетенцию Арбитражного трибунала в данной сфере и дал ясно понять, что не изменит свою позицию в Южно-Китайском море¹⁹.

Согласно «Военной стратегии Китая» (январь 2015 г.)²⁰ *подтверждена установка на дальнейшее укрепление обороны и создание вооруженных сил, соответствующих возросшему международному статусу КНР и способных обеспечить интересы безопасности и развития страны в новых условиях*. Задачи вооруженных сил в пространственном измерении существенно расширены и включают не только защиту суверенитета и территориальной целостности страны по периметру границ, но также обеспечение безопасности на морях, в мировом океане, в воздушном, космическом и в электронном информационном пространствах.

Согласно документу в области военного строительства Китай следует концепции «активной обороны в новых условиях», при этом деятельность китайских вооруженных сил базируется на следующих принципах:

- подчиненность задаче обеспечения мира для реализации национальной стратегии развития, усиление подготовки к ведению вооруженной борьбы, предотвращение кризисных ситуаций, способность одерживать победу в войнах;
- в войне стремиться к захвату стратегической инициативы, развивая активные действия во всех сферах и по всем направлениям; в полной мере использовать эффективность совместных операций разнородных сил;
- углублять сотрудничество по военной линии с мировыми державами, соседними и развивающимися странами; способствовать созданию региональной структуры безопасности и сотрудничества.

В обозримой перспективе Китай намерен продолжать сотрудничество между китайскими и российскими вооруженными силами в рамках отношений стратегического партнерства между двумя странами и способствовать всестороннему расширению и диверсификации сфер сотрудничества по военной линии²¹.

В 2014—2016 гг. продолжалось российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество. Вооруженные силы Китая участвовали в ряде совместных с ВС России и многосторонних в рамках ШОС военных антитеррористических учениях, направленных на отработку совместных действий при отражении террористических угроз на суше, на море и в воздухе. Крупнейшим из них было проведенное в период с 11 по 29 августа 2014 г. на полигоне Чжучжихэ (Автономный район Внутренняя Монголия, КНР) учение стран — участниц ШОС «Мирная миссия 2014», в котором приняли участие свыше 7 тыс. человек личного состава и 500 единиц военной техники вооруженных сил стран-участниц²². В сентябре 2016 г. в Южно-Китайском море состоялись российско-китайские военно-морские учения «Морское взаимодействие-2016». Учению предшествовало политическое заявление со стороны России о том, что она поддерживает Китай в непризнании решения Гаагского арбитражного суда по спорным островам Южно-Китайского моря²³.

Ныне совместные российско-китайские военные учения распространились на воздушно-космическую область и противоракетную оборону. В мае 2016 г. в Москве впервые проведены российско-китайские командно-штабные учения «Воздушно-космическая безопасность-2016» по защите территории двух стран от случайных, несанкционированных и провокационных ударов баллистических и крылатых ракет, осуществленных условной третьей страной или внешней террористической организацией.

Следуя мировой тенденции и опираясь на растущую экономическую мощь, в 2015—2016 гг. *Китай продолжал увеличивать военные расходы.*

В 2016 г. официальные военные расходы Китая составили 146 млрд долл. (годовое увеличение — 7,6 %), между тем как реальные, по оценке СИПРИ, 215 млрд долл.; для сравнения, в 2016 г. во-

енные расходы Японии составили 40,9 млрд долл.; Индии — 36,0; Южной Кореи — 36,4; Великобритании — 55,4; России — 48,5; США — 596 млрд долл.²⁴ Отметим, что в 2017 г. предполагается увеличение военных расходов Китая на 7 %²⁵.

В модернизации НОАК основное внимание уделяется информатизации и компьютеризации войск и сил флота, усилению боевых возможностей вооруженных сил за счет повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях. Конечная цель при этом заключается в создании вооруженных сил, способных эффективно осуществлять стратегическое ядерное сдерживание, успешно действовать в высокотехнологичной войне локального масштаба, а также при проведении антитеррористических операций.

В последние годы численность личного состава НОАК поддерживалась на уровне около 2,3 млн человек. Как отмечено выше, *основное внимание направляется на совершенствование качественных параметров оснащения и повышение уровня информатизации войск и сил флота.*

В ноябре 2015 г. в Китае объявлено о новой *военной реформе*, предполагающей прямое подчинение всех видов вооруженных сил НОАК создаваемому единому Центральному военному командованию, сокращение численности личного состава НОАК на 300 тыс. человек. Реформу намечается осуществить к 2020 г.²⁶ Сокращение численности личного состава, по-видимому, будет осуществлено за счет сухопутных войск и использовано для увеличения финансирования ВВС и ВМС НОАК в условиях ожидаемого сокращения темпов увеличения военных ассигнований, вызванного замедлением темпов роста китайской экономики.

В январе—феврале 2016 г. были официально объявлены решения по реформированию органов высшего военного управления КНР, суть которого заключается в преобразовании бывших четырех главных управлений НОАК (Генерального штаба, Главного политического управления, Главного управления тыла и Главного управления вооружений) в 15 функциональных структур, входящих в состав Центрального военного совета (ЦВС) КНР.

Объединенный штаб ЦВС будет заниматься оперативным планированием, осуществлять повседневное управление войсками и боевое управление, заниматься изучением проблем и планированием в области военной стратегии, осуществлять контроль боеспособности войск, организовывать единый процесс боевой подготовки видов вооруженных сил и родов войск, организовывать и осуществлять мобилизационное строительство. На Управление политической работы ЦВС возложены функции руководства партийным строительством в вооруженных силах, которое рассматривается как «основа и ключевое звено всей работы в армии»; на Управление оборонной мобилизации ЦВС — вопросы оборонной мобилизации и подготовки резервов, руководство деятельностью провинциальных военных округов. Создание Комитета по науке и технике ЦВС направлено на усиление стратегического руководства оборонной наукой и техникой, развитие инновационного потенциала, координацию работы по «интегрированному развитию» военной и гражданской науки и техники²⁷.

Реформа предполагает реорганизацию существовавших до настоящего времени 7 военных округов (ВО) в 5 стратегических командований НОАК: Центральное (Пекин) (здесь и далее в скобках указана дислокация штаба командования. — *Прим. авт.*), Северное (г. Шэньян), Восточное (г. Нанкин), Южное (г. Гуанчжоу), Западное (г. Чэнду). Соответствующий приказ объявлен председателем ЦВС Си Цзиньпином 1 февраля 2016 г.

Центральное командование создано на базе бывшего Пекинского ВО. В зоне его ответственности территории городов центрального подчинения Пекин и Тяньцзинь, провинций Хэбэй, Хэнань, Хубэй, Шаньси.

Северное командование создано на базе бывшего Шэньянского ВО и включает часть территории бывшего Пекинского ВО; в зоне его ответственности территории провинций Хэйлунцзян, Цилинь, Ляонин, Шаньдун, Автономного района Внутренняя Монголия.

Восточное командование создано на базе бывшего Нанкинского ВО; в зоне его ответственности территории провинций Цзянсу,

Чжэцзян, Аньхой, Фуцзянь, города Шанхай, а также Восточно-Китайское море.

Южное командование создано на базе бывшего Гуанчжоуского ВО; охватывает территории провинции Гуандун, Гуанси, Хунань, Гуйчжоу, Хайнань, а также Южно-Китайское море.

Западное командование создано на базе бывших Ланьчжоуского ВО и Чэндуского ВО; охватывает территории провинций Юньнань, Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Нинся-Хуэйский, Синьцзян-Уйгурский и Тибетский автономные районы, г. Чунцин²⁸.

По замыслу организаторов реформы стратегические командования НОАК должны выполнять функции как административного управления, так и оперативного командования находящимися в зонах их ответственности силами и средствами сухопутных войск, военно-воздушных сил, военно-морских сил, войск стратегического обеспечения. Исключение составляют формирования стратегических ракетных войск и стратегические ядерные силы ВМС НОАК, находящиеся в прямом подчинении ЦВС КНР. Главной целью создания стратегических командований НОАК является обеспечение условий для повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях при ведении высокотехнологичных войн локального масштаба.

Ключевую роль в руководстве оборонным строительством наряду с государственными структурами продолжает играть КПК. Как следствие, вопрос укрепления контроля над армией со стороны партии постоянно находится в центре внимания военно-политического руководства.

Наряду с выполнением внешних функций по защите суверенитета и территориальной целостности страны, *армия использует руководство страны в качестве инструмента по обеспечению внутривнутриполитической стабильности*. В последние годы эти функции НОАК сохраняют актуальность ввиду роста в Китае числа социальных инцидентов, вызванных негативными последствиями рыночных преобразований, такими, как имущественная дифференциация, сокращение посевных площадей, связанное с индустриализацией.

лизацией и развитием инфраструктуры, обострение экологических проблем и др.

Наряду с выполнением главной функции по защите суверенитета и территориальной целостности страны *НОАК расширяет свое участие в невоенных* операциях по поддержанию мира и укреплению международной безопасности, которые включают антипиратские и антитеррористические операции, миссии по оказанию гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий, миротворческие миссии под эгидой ООН, операции по защите морских проливов, по защите космических объектов²⁹.

В обозримой перспективе оборонное строительство КНР будет опираться на достижения экономики, сохраняющей высокие темпы развития, которые, несмотря на кризисные явления в мировой экономике, могут составить 6,5—7 % в год. В сочетании с усилиями, направленными на подъем науки и технологий, включая реализацию намеченной программы преобразования Китая к 2020 г. в государство инновационного типа, это создает благоприятные предпосылки для модернизации обороны.

Выводы

1. На современном этапе военная политика Китая имеет оборонительный характер и является составной частью широкого комплекса превентивных мер политического, дипломатического, экономического и военного характера, направленных на создание благоприятной обстановки в сфере безопасности вокруг Китая, способствующей реализации национальной стратегии развития, целью которой является превращение страны к середине XXI века в модернизированную державу, равную по своему политическому влиянию, экономической и военной мощи другим державам мира.

2. Опираясь на растущую экономическую мощь, КНР реализует перспективную программу модернизации национальной обороны на базе науки и передовых технологий, принятую в 2006 г. и рассчитанную до середины XXI века. Конечная цель заключается в создании вооруженных сил, способных эффективно осуществлять стратегическое ядерное сдерживание, успешно действовать в современной

высокотехнологичной войне локального масштаба, а также при проведении антитеррористических операций.

3. Военная политика Китая направлена на сохранение и развитие отношений сотрудничества с Россией в военной и военно-технической сферах, что играет позитивную роль в укреплении стратегического партнерства между нашими странами;

4. Участие НОАК в миротворческих и гуманитарных операциях под эгидой ООН, способствует укреплению образа Китая в глазах мирового сообщества как ответственной державы, проводящей политику мира и сотрудничества, и одновременно содействует повышению международного авторитета ООН, что можно отнести к укреплению «мягкой силы» как компонента КМГ КНР.

В обозримой перспективе армия будет оставаться важным звеном политической системы Китая, находиться под контролем КПК, и наряду с внешними функциями выполнять роль инструмента опоры власти и поддержания внутривластной стабильности.

Июнь 2017 г.

Примечания

¹ URL: <http://topwar.ru/74048-ssha-postavit-yaponii-noveyshee-vooruzhenie.html>

² URL: <http://ria.ru/world/20140428/1005711838.html#ixzz30A4rLCya>

³ URL: <http://www.bbc.com/russian/news-39718524>

⁴ URL: http://inosmi.ru/op_ed/20150213/226255885.html

⁵ Annual Report to Congress «Military and Security Developments Involving the People's Republic of China» — 2017. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2017_China_Military_Power_Report.PDF

⁶ URL: http://lenta.ru/news/2014/11/12/usa_china/

⁷ URL: <http://informing.ru/2015/06/15/kitay-i>

⁸ Синьхуа. 02.03.2016.

⁹ China Daily. 27.05.2015.

¹⁰ China Daily. 27.05.2015.

¹¹ Синьхуа. 03.08.2015.

- ¹² China Daily. 27.05.2015.
- ¹³ People's Daily Online. 14.03.2005.
- ¹⁴ URL: http://russian.news.cn/2017-02/04/c_136031528.htm
- ¹⁵ Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 7 (244). 2014. С. 49—53.
- ¹⁶ URL: <http://www.rbc.ru/politics/27/12/2015/567fbed89a79472b029fde51>
- ¹⁷ URL: https://riss.ru/images/pdf/journal/2014/1/05_.pdf
- ¹⁸ Annual Report to Congress «Military and Security Developments Involving the People's Republic of China» — 2017. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2017_China_Military_Power_Report.PDF
- ¹⁹ Локшин Г.М. Южно-Китайское море: острова раздора // Азия и Африка сегодня. 2015. № 9. С. 2—8.
- ²⁰ China Daily. 27/05/2015.
- ²¹ China Daily. May 27. 2015.
- ²² URL: http://function.mil.ru/news_page/world/more.htm?id=11981494@egNews
- ²³ URL: <http://redstar.ru/index.php/news-menu/ino-military-menu/indiya/item/30423-morskoe-vzaimodejstvie>
- ²⁴ URL: <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1504.pdf>
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ URL: <http://lenta.ru/news/2015/11/26/china/>
- ²⁷ Румянцев Е.Н. Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина. М., 2016. С. 192—194.
- ²⁸ Кашин В.Б. Реформа органов управления китайскими вооруженными силами // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 2. С. 125.
- ²⁹ Annual Report to Congress «Military and Security Developments Involving the People's Republic of China» — 2012. URL: <http://www.globalsecurity.org/militarylibrary/report/2012/2012-prc-military-security-01.htm>. P. 3—4.

Summary

A.Z. Zhebin

THE SITUATION ON THE KOREAN PENINSULA: 2017

Abstract. The situation on the Korean Peninsula created as a result of the unexpectedly rapid progress of the DPRK's missile and nuclear program is considered. The U.S. response to North Korean nuclear weapons development and missile launches, including US unilateral trade, financial and foreign policy sanctions against the DPRK is analyzed. The author also explores the position of the UN Security Council, Republic of Korea, Russia, China and some others countries on the issue.

Key words: DPRK's nuclear program, USA, UN Security Council, Kim Jong-un, Asia-Pacific region.

Zhebin Aleksandr Zakharovich, Candidate of Political Sciences, head of the Center for Korean Studies of IFES RAS.

V.O. Kistanov

THE RUSSIA-JAPAN RELATIONS IN LIGHT OF THE RISE OF PRESIDENT DONALD TRUMP TO POWER IN THE UNITED STATES

Abstract. The article discusses the reaction of official Tokyo to the election of US President Donald Trump, possible changes in this regard in the relations between Japan and the United States and the likely impact of these changes on Russia-Japan relations, including the prospects for solving the bilateral territorial problem. The author analyzes the significance for Russia and Japan of the dialogue in the format of “two plus two” in the context of the overall international situation.

Key words: Asia-Pacific Region, Kuril Islands, territorial dispute, missile defense of Japan, Japan-US Security Treaty, Korean Peninsula, dialogue in the format of “two plus two”.

Kistanov Valery Olegovich, Principal researcher, head of the Center for Japanese Studies of IFES RAS.

V.S. Kashin

ON POTENTIAL INFLUENCE OF THE AMERICAN THIRD OFFSET STRATEGY TO THE EVOLUTION OF THE STRATEGIC NUCLEAR FORCES OF CHINA

Abstract. The Third Offset Strategy is an important technological initiative by the US Department of Defense. It is supposed to ensure the long term decisive military advantage for the US over any adversary, especially China. Artificial intelligence, cognitive technologies, robotics, 3dprinting, directed energy weapons are among the known priorities. The article examines the Chinese responses to the strategy.

Key words: Chinese military policy, Chinese strategic nuclear forces, intercontinental ballistic missiles, Chinese missile defense.

Kashin Vasily Sergeevich, Senior Researcher.

A.S. Isaev

THE PROBLEMS OF INFORMATION SECURITY AND THE POSSIBILITY OF RUSSIAN-CHINESE COOPERATION IN THIS FIELD

Abstract. The problem of information security is one of the most important factors influencing international relations. This area covers the financial, banking, energy, technology and other sectors of the modern economy. The article deals with the position of Asia and China in modern cyberspace. The author compares the policy of Russia and China in the information sphere and analyses the legislative and regulatory documents defining the strategy for cybersecurity. Moreover, in this article the author considers the possibilities of Russian-Chinese cooperation in this area.

Key words: Asian continent, digital technologies, cybersecurity, cyber espionage, Russian-Chinese cooperation in the digital field.

Isaev Aleksandr Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, deputy head of the Center for Studies and Forecasting of Russia-China Relations of IFES RAS.

P.B. Kamennov

MILITARY POLICY OF CHINA AT THE PRESENT STAGE

Abstract. The author examines the security situation and the main aspects of the military policy and military build up of China in context of “Military Strategy of China” 2015 and strategic concept of “pro-active defense in new conditions”. China's participation in regional security forums and in the international military cooperation, its activity in the South China Sea and in the Indian Ocean area; new military reform, military and military-technical cooperation between Russia and China are considered.

Key words: military policy, military build up, control over the army by the CCP, “pro-active defense in new conditions” strategy, military expenditures, new military reform, PLA none-military operations.

Kamennov Pavel Borisovich, Doctor of Political Sciences, Lead Researcher, IFES RAS.

Список авторов

Жебин Александр Захарович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра корейских исследований ИДВ РАН

Исаев Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель руководителя Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН

Каменнов Павел Борисович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель руководителя Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН

Кашин Василий Борисович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН

Кистанов Валерий Олегович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра японских исследований ИДВ РАН

Научное издание

Доклады ИДВ РАН — 2017

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Оформление *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 10.11.2018.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 6,0. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 100 экз.).
Заказ № 21

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке Института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.